

ЮША ЕКАТЕРИНА

ТОТ САМЫЙ
ДИКИЙ АНГЕЛ

Екатерина Юша
Тот самый Дика́й ангел

«Издательство «Союз писателей»

2019

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)

Юша Е.

Тот самый Дикий ангел / Е. Юша — «Издательство «Союз писателей», 2019

Роман по сюжету одноименного сериала «Дикий Ангел». В центре событий романтические и, безусловно, глубоко драматичные отношения юной служанки и сына хозяина дома. Она – сирота, воспитанница католического монастыря и заядлая футболистка. К тому же очаровательна, умна и очень независима. Он привлекателен, склонен к меланхолии и благороден. Но их любви придется пройти серьезную проверку, потому что им будет мешать масса преград в лице завистников и недоброжелателей. Но не стоит думать, что «Тот самый Дикий ангел» Юша Екатерины – это пересказ сериала. Да, роман и кино имеют общие черты, но и различий между ними достаточно. Это и углубление ряда сюжетных линий. И изменение канвы повествования. И создание особенной атмосферы, разительно отличающейся от той, что была в сериале. История Милагрос в книге заиграла новыми красками, и читателю остается только с замиранием сердца следить за развитием лихо, по-детективному закрученного сюжета, обильно сдобренного смешными и трогательными моментами.

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)

© Юша Е., 2019
© «Издательство «Союз писателей», 2019

Екатерина Юша

Тот самый Дикий ангел

Автор сюжета *Энрике Торрес*

© Юша Е. А., текст, 2019

© planeta-knig.ru, оформление, 2019

* * *

Стадион при монастыре был единственным местом, где послушники не стеснялись быть самими собой, они не стыдились своих чувств и того, кто они есть в этом беспокойном мире. Здесь нет притворства, фальши, лицемерия. Тут кипит настоящая жизнь!

Именно в этом монастыре и росла малышка, которую символически назвали Милагрос, что, в переводе с испанского означает «чудо».

Ее мама оказалась здесь в очень непростой период своей жизни. Девушка, всего на год старше, попала в монастырь на последней неделе беременности.

Вот-вот на свет должен был появиться ребенок...

За все время пребывания в монастыре, мама малышки не проронила ни слова. Никто так и не узнал ее имени. После появления на свет очаровательной и здоровой девочки, мать, к сожалению, скончалась, а маленькая Милагрос осталась расти с другими воспитанниками.

Стадион был любимым местом юной озорницы. Она, как и все остальные послушники, обожала играть в футбол. Девочка считала эту игру самой справедливой из всех остальных.

– Тут все честно, – говорила Милагрос, важно качая головой. – Побеждает самый сильный и самый быстрый!

* * *

Мать – настоятельница сидела в своем приходском кабинете, погруженная в беспокойные мысли. Совсем скоро их любимице – Милагрос предстоит оставить монастырь. Ведь ей исполняется восемнадцать, а это означает, что ей пора искать работу и желательно такую, где она сможет жить.

Была бы ее воля, она бы никого не отпустила из прихода, но таковы правила. Такова жизнь. И от того ее сердце разрывалось на куски.

Милагрос была ей, как дочь.

Малышка появилась на свет именно здесь.

Она самолично принимала роды у девушки, появившейся в монастыре загадочным образом, одной из сентябрьских ночей.

Бедная...Ее выкинули на улицу, как котенка...

Как беременного котенка. Она не проронила ни слова, пока не родила малышку.

Мать – настоятельница, закрыла личное дело Чолито, как прозвали ее воспитанники, и пошла на поиски Падре.

– Совсем скоро Милагрос исполнится восемнадцать, Падре... – обратилась она к высокому седовласому мужчине.

– Да, мать-настоятельница, я знаю. Именно поэтому я стал подыскивать для нее работу. Сегодня как раз должна прийти супруга одного моего знакомого, им очень нужна горничная. Помимо хорошей оплаты они предоставляют жилье, что очень важно сейчас для Милли.

Мать – настоятельница очень мудрая женщина... Она, как никто, знала характер Милагрос, и очень переживала за то, что девочке придется сложно одной в этом мире, ведь у нее самая чистая душа, которую когда-либо приходилось ей видеть.

– Вы думаете, девочка справится, Падре?

– Она должна!

* * *

Все началось с того дня, когда пришло время покинуть монастырь. Место, где я выросла, место – где моя семья. Мой дом.

Я знала, что после восемнадцати мне придется покинуть обитель, знала, но готова к этому не была.

Я не знала, куда занесет меня судьба, не знала, какие люди встретятся мне на пути.

* * *

– Милагрос, не зевай!

– Куда ты несешься, ты чуть не сбил меня с ног!

Поспешив к центру поля и перехватив мяч, я направилась в сторону ворот противника. Высокий и полный игрок команды соперника преградил мне дорогу, пришлось бежать в сторону и передавать пас невысокому, чумазому пареньку – Лукасу.

– Ты налетел на меня как ракета, Сержо! Я еле сохранила равновесие. Ты что, не видишь, куда бежишь?!

– Ты сама налетела на меня, Милли! Совсем не смотришь по сторонам!

– Что!? Да, как ты! – я уже замахнулась на него, но мы увидели, как Падре вышел из монастыря, и поэтому сделали вид, что ничего не произошло.

Но Падре не обратил внимания на нашу потасовку и быстрыми шагами подошел к женщине, ожидавшей у входа.

Я поправила, почти слетевшую с головы, красную кепку, и стала наблюдать за Падре.

Кто эта дама? Что ей здесь нужно? Не по мою ли душу сюда заявила эта лоценовая аристократка? Ведь мне скоро восемнадцать, а это означает, что Падре будет говорить о том, что мне нужно искать новое жилье и работу. Нельзя оставаться в монастыре после совершеннолетия, если только... Нет! Об этом пока рано думать. И все же... Кто она?

Женщина выглядела необычно для этих мест: волосы аккуратно уложены в большие кудри до плеч, лицо задумчивое, одета в нежно-голубой костюм. Сразу видно, что из богатого круга. Она уже не первая, кто приходит за эту неделю и я была уверена, что женщина, как и все предыдущие, сочтет ее грубой и уйдет восвояси.

Дама и Мануэль стояли около входа в монастырь и о чем-то оживленно беседовали. Падре выглядел напряженным. Наконец, они пожали руки, и женщина ушла.

Наконец, Падре направился к нам.

– Она поставила мне подножку! – закричал Сержо, как только увидел Падре.

– Что ты сделала, Милли?! – переспросил Падре. – Это же товарищеский матч!

– Да, не трогала я его. Почему, чуть что, сразу я?!

– Да, потому что ты и дня не можешь обойтись без сюрпризов, Чолито. Ты же девушка, и должна вести себя, как леди, а не, как хулиган из подворотни.

– Но ведь он сам налетел на меня. Сержо чуть не свалил меня с ног, Падре. Почему Вы готовы поверить кому угодно, но только не мне?!

– Потому что, ты – это ты, Чолито! Ты озорная девчонка, которая готова влезть в любую драку.

В чем-то Падре был прав. Я, действительно, выглядела, как мальчишка: в потертых джинсах, бесформенной полосатой футболке и красной кепке козырьком назад...

Так не каждая девушка будет ходить. Да и зачем мне наряжаться? Я такая, какая есть. Одежда – это всего лишь оболочка, она – не главное в человеке. Но слова Падре Мануэля меня все же немного обидели. Вообще, он хороший, я Падре многим обязана, но ведь я все-таки «леди», а с нами так обращаться нельзя!

– Я пришел, чтобы поговорить с тобой, Милагрос.

– Со мной? О чем? Неужели о той красотке, которая только что ушла? Кто она, Падре? Не томите! Это ваша подружка? – на последнем вопросе я уже еле сдерживала смех. Надо было видеть лицо священника в этот момент. Я думала, что он мне щедро всыплет за такие слова... Или же он просто смутился...

– И о ней тоже. Только угомони свое воображение, дорогая. Никакая эта дама мне не подружка. Она – жена моего старого знакомого.

– Что, прям, очень-очень старого?

– Не перебивай меня!

– Ладно-ладно...

Падре смотрел испепеляющим взглядом. У меня не было выхода: пришлось замолчать.

– Этой женщине нужна служанка. Старую они уволили и сейчас находятся в поисках новой работницы.

– А я-то тут причем?

– Ты прекрасно знаешь, причем! Тебе нужно подыскать работу и желательно – с жильем, а эти люди предлагают два в одном: и работу, и жилье.

– И кем мне придется у них работать?

– Служанкой. Я ведь уже сказал.

– Но, Падре. Я не умею работать прислугой. Единственное, что у меня неплохо выходит – это продавать что-нибудь на улице и играть в футбол.

– Ну, я бы не сказал, – тихо сказал Падре. – Тем не менее, Милли, придется попробовать. Я всеми силами пытаюсь найти для тебя хоть какую-нибудь достойную работу. Между прочим, стараюсь для твоего же блага, чтобы ты не осталась на улице.

– Но, Падре, я хочу продолжить жить в монастыре, с Вами, с Глорией, с сестрой Толстухой. Как я без Вас?!

– Ты знаешь правила, Милли, тебе нельзя оставаться в обители после восемнадцати. Так уж устроено. Ты должна прожить жизнь сама, а не под вечной опекой. Мы очень любим тебя и именно поэтому так сильно переживаем.

Он был прав... Падре, действительно, очень старается. Нелегко найти работу таким, как мы. Сиротам. Нам не доверяют, думая, что мы воришки, относятся к нам, как к каким-то бандитам, а ведь среди нас намного больше хороших людей, чем среди холеных богачей!

* * *

Я живу в монастыре с самого рождения. Моя мама умерла сразу, как только я родилась. От нее мне остался лишь медальон, который всегда со мной. Своего отца я не знала. Он бросил маму, даже не дождавшись моего рождения. Я всегда думала, что, когда вырасту – найду папочку и отомщу. Эта мысль греет меня и дает силы не сдаваться. До тех пор, пока я не найду своего отца. Тогда он за все ответит! За всю боль, которую причинил нам.

Здесь у меня есть подруга, ее зовут Глория. Она мой ангел-хранитель, она как родная сестра. Глория – самый милый, добрый и отзывчивый человек, которого я когда-либо встретила в своей жизни. Мы вместе совершаем безумные поступки, сбегает на дискотеку, продаем лимонад и моем машины, чтобы заработать денег для монастыря.

Глория всегда и во всем поддерживает меня. За это я ее и люблю. И сама мысль, что мне нужно будет оставить ее здесь одну, съедает меня изнутри. Мне будет тяжело без подруги, ведь мы никогда не расставались.

И вот завтра мое первое в жизни собеседование, а я даже не знаю, что мне одеть! Кроме клетчатой рубашки, старых потертых джинсов, бейсбольной кепки и потрепанных кед у меня ничего нет. Но я должна получить эту работу! Иначе это очень огорчит Падре.

* * *

Мы делали вид, что готовимся ко сну. На самом деле у нас были другие планы на эту ночь. Узнав, что открылся новый клуб, мы не смогли пропустить это мимо своих ушей и решили оторваться напоследок, ведь совсем скоро мне придется уехать отсюда и кто знает, когда я еще смогу вырваться на танцы.

– Не забудьте, утренняя молитва ровно в семь! – напомнила мать – настоятельница, делая вечерний обход.

– Ну, завтра же воскресенье! – запротестовала Глория. – Неужели нельзя помолиться в одиннадцать? – Ведь мы, дай Бог, только вернемся к пяти.

– Все! Я сказала в семь! А теперь пора спать!

– До завтра, мать-настоятельница, – в один голос попрощались мы с монахиней, и как только та закрыла за собой дверь, вскочили с кровати.

– Мои, кеды, куда они подевались? – залезла я с головой под кровать.

– Ты что?! – воскликнула Глория. – Какие кеды?! Ты собираешься идти в таком виде?

– Да, а что особенного?

– Я приготовила для тебя такой наряд... Упадешь, когда увидишь! Кепку, кстати, тебе тоже придется оставить в шкафу.

Этой ночью ни одна живая душа не узнала бы старую – добрую Чолито, которая никогда не снимает свой фирменный прикид.

Глория вырядила меня в мини-юбку красного цвета, которая, как она сказала, подчеркивает все изгибы моей прекрасной фигуры и черный топ без лямок на шнуровке, которые она получила, подрабатывая в магазине одежды уборщицей. Но я, все же, накинула сверху еще кардиган, который нашла в шкафу Глории, так хоть я не чувствую себя голой.

Завершающим штрихом были туфли на высоком каблуке.

Ни один парень не пройдет сегодня мимо. Впрочем, я и сама далеко не уйду на этих ходулях.

Закончив сборы, мы вылезли в окно, благо оно на первом этаже, и прокрались к дороге, стараясь действовать тихо, как шпионы или агенты ЦРУ... Никто не должен был заметить нас, иначе танцы накроются медным тазом.

* * *

Еле доковыляв до клуба, где, по случаю открытия, было очень много людей, я взяла подругу за руку, чтобы не потеряться, и мы прошли в здание. Стены клуба были разрисованы яркими рисунками, но все внимание привлекали пальмы на сцене и бочки, на которых выплясывали танцовщицы в откровенных нарядах.

Мы пробрались в центр танцпола.

Всполохи светомузыки таяли на лицах и ярких костюмах танцующих,двигающихся в таком быстром ритме, что голова шла кругом.

Глория сразу принялась танцевать. Ее танец больше походил на ритуал по вызыванию дождя древних племен, но ее, это не останавливало. Серое платье с пайетками отражало от

себя лучи света, раздавая солнечных зайчиков на танцующих вокруг людей. Громкая заводная музыка в стиле латино не оставляла равнодушных. И уже спустя пару минут я присоединилась к подруге и наши жаркие танцы бедрами привлекли внимание всех мужчин сегодняшнего вечера.

Натанцевавшись до упаду, я решила выйти подышать свежим воздухом. Я жестом указала подруге на выход, потому что докричаться до нее у меня не вышло.

Ох! Слишком громкая музыка! СЛИШКОМ высокие каблукки! Кто придумал так издеваться над девушками?! Я не чувствую своих ног...

Пробираясь на улицу, я пару раз оказывалась вовлеченной в танец незнакомых парней и девушек. Почти у самого выхода кто-то налетел на меня и, чуть было, не сбил с ног.

– Прости, прости, пожалуйста! – стала извиняться я, хотя это ведь он на меня налетел! Но в ответ, парень только молча на меня смотрел. Какой-то чудак, честное слово.

– С тобой все в порядке? Ты что, замер?! Или ты решил притвориться статуей?

«Ну, у него и причесочка!», – подумала я и, оказалось, что произнесла это вслух. Мне Падре всегда говорит, что мой язык – мой враг, я не умею держать его за зубами. Уж слишком прямолинейна и не думаю, что говорю. В любом случае, пока этот парень не успел одуматься, я уже была на улице, стараясь отдышаться.

Вечер был невероятно теплым. На улице несколько пар пританцовывали в такт зажигательной музыке, доносившейся из клуба.

Вообще, здесь запросто можно было поставить еще одну сцену.

Я еще немного понаблюдала за «танцорами» и решила вернуться к Глории. Наверняка, подруга меня уже потеряла.

Но она, видимо, и не заметила, что я отлучалась, потому что по-прежнему танцевала там, где я ее оставила. Ох, надеюсь, я танцую лучше. Больно смешно у нее выходят эти покачивания бедрами вперемешку с отдышкой!

Я присоединилась к ней, и мы принялись дурачиться. Танцевали танго под неподходящую музыку, махали руками, я пару раз прокатила ее на спине! В общем, вечер удался! Когда мы остановились, чтобы отдышаться, я захотела рассказать ей, что произошло со мной, пока я ходила на улицу.

– Глория, ты не представляешь, что со мной произошло!

– Что?

– Ты глухая? Я говорю, что со мной произошло нечто забавное, пока я выходила на улицу. Я встретила смешного парня, ну точнее... сбила.

– Как сбила?! Ты в порядке?

– Да, я в порядке. Я лишь хочу сказать, что тот парень был очень смешным. У него была смешная идиотская прическа. Когда я у него спросила, все ли с ним хорошо, он стоял как памятник и смотрел на меня. Так ничего и не ответил. Вот чудак, правда?

– Он тебе что, понравился?

– А что это ты шуришь глаз! Нет, конечно, я говорю, что он был смешной, вот и все!

– Ну-ну... То-то смотри, ты вся светишься...

– Ну, тебя, Глория! Может он и был бы вполне ничего, но эта странная прическа отбила все желание узнать его поближе, – рассмеялась я.

– Что?

– Ай, ну тебя, Глория!

– Неплохо танцуете! – подкатил к нам очередной «мачо». Сегодня мы, прям, нарасхват... Еще бы! В таких-то нарядах. – Не хотите потанцевать со мной? – спросил он с такой самодовольной рожей, таким противным голосом, что мне захотелось съездить ему по наглой физиономии немедленно.

Не успела я одуматься, как сзади меня кто-то потянул за талию.

– Иди и танцуй со шваброй! – только и успела я крикнуть тому «мажору».

– Что? С какой еще шваброй?! Как ты смеешь мне грубить?! Кто ты такая? – яростно кричал мне в след «мажор».

– Ты не видишь, что она занята? – услышала я и, подняв глаза увидела мистера «смешная прическа», он тянул меня в другую сторону танцпола.

– Спасибо, – сказала я ему, когда мы остановились.

– За что? – удивился он.

– За то, что избавил меня от общества этого напыщенного козла!

– Всегда, пожалуйста, Иво.

– Что?

– Меня зовут Иво, приятно познакомиться.

– Иво?! Ты серьезно?! Что за имя вообще такое?! – удивилась я и, увидев его недоумевающий взгляд, поняла, что снова произнесла это вслух.

– Мне пора идти, подруга ждет, – заторопилась я.

– Постой! Могу я узнать твое имя?

– Нет! Пока!

Отойдя в сторонку, я почувствовала досаду. Я не умела общаться с парнями и поэтому чувствовала себя неловко рядом с ними.

Да чего это я, в самом деле! Пусть даже у него красивые голубые глаза, как у котенка... Так и хочется обнять!

Что со мной?! Мы ведь даже не знакомы. Я, наверное, переборщила с кислородом... Надо найти Глорию.

Отыскав подругу, я предложила вернуться домой. Уже было поздно, а «утренняя молитва в семь» – процитировала я мать – настоятельницу...

* * *

Покачиваясь на каблуках, мы отправились домой. Всю дорогу Глория пела и пританцовывала. Было видно, что у нее отличное настроение. Чего нельзя было сказать обо мне. Я была задумчива и, почему-то даже, сердилась на себя. А все из-за этого мистера «смешная прическа»! Смешная прическа и дурацкое имя – Иво... Погруженная в свои мысли, я даже не заметила, как мы дошли до монастыря.

Теперь передо мной и Глорией стояла новая суперсекретная миссия – добраться до комнаты незамеченными. Глория, с ее миниатюрной фигуркой, быстро проскользнула через окно. Мне же пришлось попотеть.

Перевалившись через подоконник, я подняла глаза и увидела мать-настоятельницу.

Она была очень недовольна и холодно смотрела на нас...

Не успев подумать, я сказала, что мы выходили подышать, но на эту глупость не купился бы и ребенок.

– Милагрос, твое время закончилось, – с каменным лицом сказала мать-настоятельница и у меня от страха онемели ноги. Я нала, что имеет в виду монахиня. – На этой неделе тебе придется покинуть монастырь. Ложитесь спать, девочки. Завтра мы поговорим об этом. Имейте в виду, что мне придется сказать Падре, где вы были.

* * *

Утром, после того, как нас отчитал Падре из-за того, что мы сбежали на дискотеку, я сидела на стадионе, где священник перед игрой давал наставление команде.

Мне тоже очень хотелось присоединиться к игре, но это было первенство среди мужской команды и, несмотря на то, что хоть я похожа немного на парнишку, я все же девушка и в этот матч меня не взяли.

Вместо игры Падре отправил меня торговать лимонадом. Кеды футболистов уже давно прохудились, а финансирования монастырь давно не получает, вот и приходится самим воспитанникам зарабатывать деньги любыми доступными способами. Законными, конечно.

Загрузив переносной холодильник лимонадом, я пошла вдоль стадиона, предлагая стаканчик освежающего напитка.

Болельщики, пришедшие посмотреть игру, неохотно соглашались на предложение, но все же лимонад расходился. Жара победила скупость.

– Лимонад! Холодный лимонад, – кричала я, еле передвигаясь по полю с этим тяжелым холодильником.

– Дай мне одну, малый, – обратился ко мне один из, только что приехавших, болельщиков.

– Одно песо, – ответила я, поднимая глаза на покупателя.

И увидев мистера «смешная прическа», тут же замолчала. Не зная, что сказать, я смотрела на голубоглазого блондина, словно на привидение.

– Держи, дружок, Карлитос, – сказал мне Блондин, протягивая деньги.

Я наполнила пластиковый стаканчик лимонадом из банки и вместо того, чтобы отдать его парню, выплеснула жидкость ему в лицо.

– Какая я тебе Карлитос! – оскорбилась я, а Блондин, под смех подошедшего друга, чертыхаясь, стал тут же вытирать платком лицо, ни сказав при этом ни слова.

Сообразив, что сейчас «довольный клиент» очухается и устроит мне взбучку, я быстро ретировалась и пошла в другую сторону стадиона, все так же предлагая холодный напиток.

Но моя оплошность не осталась незамеченной. За этой картиной со стороны наблюдал Падре Мануэль и как только я отошла на безопасное расстояние, тут же быстрым шагом направился ко мне.

– Я все видел Чолито! Зачем ты так поступила с тем парнем? – догнал меня Падре уже за трибунами.

– С тем индюком? – уточнила я.

– Да, то есть, нет! – осекся священник. – Я говорю о том парне, а не об индюке, как ты его назвала. Говорил тебе тысячу раз...

– Что у меня не рот, а клоака, – перебила его я. – И поэтому я назвала его индюком, а не придурком.

– Милагрос! – закричал Падре и я поняла, что дело плохо, ведь если он и называет меня по имени, то только в очень редких случаях. Неприятных случаях.

– Простите, Падре, но мне надо продавать лимонад, – сказала я и ушла, зазывая покупателей.

* * *

Глория, вернувшись с магазина, где она работала в пол смены, заметила, что я не в духе и предложила пройтись по территории монастыря перед ужином.

Она появилась здесь совсем малюткой, и мы с ней сразу же подружились. С тех самых пор, мы не расстаемся ни на минуту. Все время вместе. Мать отказалась от дочери, а отца Глория не знала совсем. Как я.

Я охотно согласилась на предложение подруги, и мы вышли на улицу.

Глория заметила, как я достала из-под футболки медальон и, конечно, сразу заинтересовалась им, я всегда доставала его, когда мне было грустно или, когда я нервничала. Так я чувствовала, что я не одна, что мама смотрит на меня сверху и оберегает.

– Что это у тебя? – спросила Глория, потянувшись к серебряному медальону.

– Это Святая Дева Соледат.

– Я о такой не слышала. Откуда он у тебя?

– Мне дала его мама.

– Ты же говорила, что у тебя нет мамы. Помнишь, в первый самый день, когда я приехала сюда, ты мне сказала, что ты сирота?

– Мамы есть у всех. Но моя – давно умерла. Меня назвали Милагрос, что в переводе с испанского означает «чудо», потому что моя мама очень болела. То, что я родилась здоровенькой, самое – настоящее чудо! Ее нашли на улице, ей было очень плохо. Но мама все вынесла, пока не родилась я. Никому неизвестно, откуда она пришла.

– А что это за буква? – спросила Глория, перевернув медальон.

– Не знаю, наверное, первая буква ее имени.

– Ты думаешь, ее могли звать Фернанда? – засмеялась Глория.

– Фернанда?! Нет! Почему Фернанда?! Разве мало имен на букву «Ф». Но, знаешь, все может быть. Я ведь ничего не знаю о своей маме.

– А что ты сделаешь, если однажды столкнешься со своим отцом? – не унималась Глория.

– Сначала вцеплюсь ему в лицо ногтями, а потом сделаю из него отбивную, – сказала я, засунув руки в задние карманы.

– Ладно... – протянула Глория. Такой ответ не устроил ее. – Все равно ты никогда его не найдешь.

– Найду! – возмутилась я. – Я буду много работать и найму лучших детективов. Сотню детективов, а если потребуется, то и тысячу.

* * *

Утром меня разбудил звонкий голос Глории.

– Соня, вставай! Я все купила! Пошли зарабатывать!

Я не сразу поняла, что происходит. Голова была какая-то тяжелая. Вчерашние, тяжелые мысли налили ее свинцом.

Мне стоит меньше думать о вещах, в которых я так мало смыслю!

– Что? Что ты купила? Что делать?!

– Открытки купила! Вставай и пошли!

Несколько дней назад мы, как всегда перед сном, лежали в своих кроватях и мечтали, чем займемся, когда уйдем из монастыря. Отчасти в шутку, отчасти всерьез, я предложила Глории заняться совместным бизнесом – продавать открытки с изображениями святых.

На самом деле, у меня было полно идей, как заработать денег.

Некоторые из них мы пробовали реализовать. Не скажу, что попытки вышли удачными, но... В конце концов, не все сразу!

Видимо, Глория решила не откладывать мое предложение в долгий ящик и с самого утра уже все закупила для нашего нового бизнеса.

Глория стянула с меня одеяло и остатки сна моментально испарились.

Мы наспех собрались и пошли в город. У нас было все. Ну, или почти все... Во-первых, мы хотели продавать открытки. Во-вторых, у нас были сами открытки. А вот как вывести продукт на рынок, или, проще говоря, продать эти самые открытки – мы понятия не имели.

– Видишь, вот эти святые идут нарасхват, – стала вводить я в курс дела Глорию, когда мы переходили дорогу. – Санта Итана – покровитель рабочих людей. Сейчас, когда такая безработица, любой готов купить открытку с его изображением. А вот – Святая Дева Луханская, на ней тоже можно заработать, но не так много. Вот увидишь, я сделаю из тебя торгового агента. Может, мы, и в самом деле, откроем свою печатную фабрику.

– А что мне делать? – приободрилась Глория. – Встать на углу и кричать: «Сеньоры, сеньоры! Открытки, открытки! Покупайте, десять центов за штуку!», так что ли?

– Считай, что тебе повезло, что я твоя подруга. Стой и смотри, как я это буду делать, – сказала я, выплюнув жвачку, направляясь в сторону машин, стоящих на светофоре, Глория же, последовав моей команде, осталась стоять на месте. Наблюдая, как я подхожу к открытым окнам машин и предлагаю открытки, получая взамен деньги. На улице было невыносимое пекло. Увидев высокую клумбу недалеко от тротуара, Глория, разместилась в тени, на ее высоких каменных бортах.

Через двадцать минут, я, оббежав крайний ряд машин, вернулась к подруге с хорошей выручкой.

– Ну, ты даешь! – изумилась Глория.

– Это же я!

Немного отдохнув, мы уже вместе пошли к машинам, стоящим в пробке.

– Сеньор, открыточку? – спросила я, подойдя к красному кабриолету.

И каково же было мое удивление, когда, подняв глаза, я снова увидела мистера «смешную прическу»!

– Опять ты!? – поперхнулась я.

– Чего тебе? – улыбнулся он. – Что-то продаешь?

Этот тип даже не узнал меня. Хотя это и неудивительно! В тот вечер я была в короткой юбке и на каблуках. Эдакая гламурная красотка. Вряд ли он вообще куда-то смотрел, кроме моих ног...

Но, как он мог забыть, тот освежающий лимонад... вероятно, ему напекло голову.

И это, поему то так оскорбило меня.

Со всей силы я треснула по его машине ногой.

* * *

– Милли, почему ты несешься, как сумасшедшая? – запыхалась Глория, догнав меня за углом той улицы, где была пробка.

– Неужели ты не видела, как тот парень кричал на меня? Я пнула его машину и там, скорее всего, останется вмятина.

– Зачем ты сделала это?

– Не знаю, так вышло. Как думаешь, он бежит за нами?

– Не за нами, а за тобой. За тобой, Милли!

Мы зашли в парк.

Темп ходьбы был такой быстрый, что я промокла насквозь.

Крики детей на площадке и лай собак переросли в общий гул в ушах. Голова закружилась.

– Вот ты и попалась! – подкравшись сзади, Иво схватил меня за руку.

– Отпусти! Чего тебе надо?

– Отпусти ее! – вступилась за меня Глория.

– Ты можешь идти, – ответил ей парень с глупым именем. – А с твоей подругой мне надо поговорить.

– Брехливый пес не кусается, иди, – отпустила я подругу.

– Я тебя не боюсь – сказала я разъяренному Иво, а у самой колени подкашивались от страха.

– Рад слышать. Знаешь, кто ты? Пора бы твоим родителям заняться тобой. Ничего... Сейчас вызовем полицию. Они с тобой разберутся. Ты еще получишь взбучку дома.

– У меня нет родителей, я оборванка, – вырвалось у меня.

На долю секунды Иво замер и посмотрел на меня. Его взгляд немного смягчился. Или мне просто так показалось. Его голубые глаза снова отвлекли меня и спутали мысли... Черт!

– Зачем ты ударила мою машину? – уже более мягким тоном спросил он.

– Я не знаю! – Я действительно не понимала, зачем я это сделала. Мне было стыдно. Меня просто разозлило то, что он не помнит меня.

– Если ты хотела мне что-то продать, как вы все обычно это делаете, – так бы сразу и сказала. Не нужно было пинать мою машину и убегать.

Его голос был ровным, ласковым... В какой-то момент я поняла, что мне нравится, как он говорит, его голос, его голубые, как море на рассвете, глаза... Но тут до меня дошел смысл его слов!

– Что значит «как вы все обычно»?!

– Я говорю о том, что знаю, что вы так зарабатываете – продаете что-то, воруете, для того, чтобы прожить...

Дальше я его уже не слышала. Его слова оглушили меня, будто палкой по голове ударили. Во мне поднялся ураган эмоций – ярость, злость, возмущение! Я потеряла контроль над собой и со всей силы врезала ему между ног!

– Ты можешь называть меня, как угодно, но только не воровкой! Понял? Я не воровка!

– Что ты делаешь?! – сгибаясь от боли, стонал он.

– Ты получил за свои слова! В следующий раз будешь думать, что говоришь!

* * *

Утром Падре попросил меня помочь ему с хором. Женщина заказала мессу в память о своем отце, и чтобы на ней все не уснули, он попросил помощи.

Я быстро почуяла выгодную сделку и сказала, что соглашусь помочь в обмен на то, что Падре возьмет меня в команду по футболу, но когда Падре вышел из себя, то я согласилась помочь ему за так, лишь бы тот успокоился. Все мы знаем, злой Падре – это плохо.

– Кстати, я совсем забыл, – остановил меня Падре, когда я собиралась уходить из часовни. – Возьми вот это. Я нашел тебе работу.

– Что за работа? – удивилась я, рассматривая визитку, которую передал Падре Мануэль.

– Просто работа. Спроси некоего сеньора Ди Карло. Он ждет тебя.

* * *

Вечером я, совершенно без сил, развалилась на своей кровати, даже не переодевшись. Уткнувшись в подушку, я старалась собрать разбежавшиеся мысли. Их было очень много. Я думала о том зазнайке, о маме и, конечно, о скором отъезде. Ведь, рано или поздно, Падре найдет для меня место.

Я включила торшер, стоящий на старой прикроватной тумбе, где воспитанники хранят свои вещи и перевернулась на спину, уставившись в потолок. Мягкий оранжевый свет наполнил комнату, сразу сделав ее бедную обстановку немного уютнее. Древний потолок давно растрескался и пожелтел, а обшарпанные стены украшали узоры из трещин.

Что если завтра меня возьмут на работу? Что тогда? Завтра мое первое в жизни собеседование, а я даже не знаю, что мне одеть! Кроме клетчатой рубашки, старых потертых джинсов, бейсбольной кепки и потрепанных кеду меня ничего нет. Но я должна получить эту работу! Иначе это очень огорчит Падре.

– Милли, ты уже спишь? – спросила Глория, войдя в комнату.

– Почти. А что случилось?

– Падре сказал, что завтра у тебя собеседование.

– Да, это так. Я очень боюсь, Глория.

– Чего ты боишься?

– Боюсь завтрашнего дня. Боюсь будущего, которое меня ждет. Раньше я думала, что, как только мне исполнится восемнадцать, я стану монахиней, но сейчас я не уверена, что хочу именно этого. Еще я боюсь, что не понравлюсь этим людям, что они не примут меня на работу. Ведь мне столько раз отказывали в работе из-за моей прямолинейности...

– Не бойся, глупышка. Я уверена, что ты понравишься им. Ведь ты, вон какая, хорошенькая! Еще ты очень добрая и искренняя, а это очень ценится. Поэтому не переживай на этот счет. Я буду держать за тебя кулачки.

– Постараюсь. Спокойной ночи!

* * *

Наутро я собралась ехать по адресу на визитке. Падре проводил меня до ворот и настоятельно порекомендовал никого там не оскорблять.

Но Чолито никогда не лезет в драку первая. И если ко мне отнесутся уважительно, то и я в ответ будет очень милой.

– Не могла бы ты надеть что-нибудь... Ну, как бы сказать – смутился священник. – Более женственное...

– А что такое? Когда Вы в последний раз видели женщину в платье? Сейчас женщины ходят в брюках и знаете, почему?

– Почему?

– Это практично, современно и...

– Ужасно! – перебил меня Падре Мануэль. – Нет, прости. Вон твой автобус. Сеньор Ди Карло тебя ждет. Удачи тебе, малышка, – поцеловал он меня в щеку и ушел обратно в монастырь.

На выходе меня перехватила Глория.

– Хорошо, что я тебя застала, – кинулась она на меня. – Я хотела пожелать тебе удачи! Ты не передумала поступать на работу? А?

– Сама не знаю, зависит от того, сколько мне будут платить. А у тебя есть дела?

– Нет.

– Отлично! Идем со мной!

Мы пришли на остановку и стали ждать своего автобуса.

Полный рабочих и бедняков автобус, пришел через двадцать минут.

Зайдя в автобус, я заплатила за проезд, и мы, кое-как, пробрались в конец, чтобы не мешаться на входе.

Воздух в автобусе был пропитан потом и грязной одеждой так сильно, что у меня, сперло дыхание, как только мы прошли вглубь салона.

Автобус под номером «16» ехал почти до фирмы Ди Карло, где было назначено собеседование.

Глория глядела по сторонам, чтобы не пропустить остановку, а я отрешенно смотрела в заднее окно, наблюдая за прохожими.

Увидев маленькую девочку, идущую за руку с отцом, я подумала, что когда-нибудь я найду своего отца. Найду, во что бы то ни стало. Даже если мне придется отдать все заработанные деньги.

Наконец, автобус въехал в новый квартал, где были одни бизнес – центры, и мы поняли – пора выходить.

По указателям мы вышли на нужную улицу и нашли номер дома, указанный на визитке.

– Подожди меня внизу, ладно? – попросила я Глорию. – Скоро вернусь.

Я вошла в огромное стеклянное здание и, еле найдя лифт, проехала на нужный этаж, который вывела у охранника на входе.

На выходе из лифта я столкнулась с мужчиной, что было очень кстати, ведь в коридоре было около сотни дверей и, в какую мне нужно войти – я не знала.

– Привет, маэстро, все в порядке? – спросила я у невысокого мужчины.

– Да, – неуверенно ответил тот, озираясь, словно сейчас я у него потребую кошелек.

– Где я могу найти, этого... – забыла я имя того, кто меня ждет, и найдя в кармане визитку, прочитала по слогам имя – Фе-де-ри-ко Ди-Каррло? Федерико Ди Карло!

– А зачем тебе этот сеньор? – спросил он, взяв у меня визитку.

– Он берет меня к себе на работу, – ответила я, чавкая.

– Вот как! – удивился мужчина в дорогом костюме, оглядев меня с ног до головы.

– Да, а что такого?!

– Да так... Тогда тебе сюда, скажи секретарше, что тебе назначена встреча, – чавкая сказал он, указывая на одну из стеклянных дверей.

Я подошла к четвертой от лифта двери и, для приличия, как и просил Падре – быть приличной, постучала. Но когда, вошла, увидела, что за дверью есть еще три двери, а около входа сидит кудрявая девушка – «секретарь» или, как их там.

Но секретарша не обратила на меня никакого внимания. Худощавая особа говорила по телефону и мое присутствие ее никак не смутило.

Приклеив, по привычке, жвачку под стол, я ни сразу сообразила, что он стеклянный и теперь розовую субстанцию видит и «худощавая».

– Тебе что-то нужно? – спросила она, положив трубку.

– Прости, где я могу найти этого парня, – протянула я визитку. – Он меня ждет.

– Значит, ждет? – настороженно спросила секретарша.

Из двери, напротив стола, вышел мужчина, чуть не сбивший меня с ног.

– Андреа, – обратился он к девушке, протянув конверт. – Это документы для сеньора Белуффо. Я еду в торговую палату. Если придет девушка на счет работы, пусть мой сын примет ее.

– Эй! – окликнула я мужчину в темно-сером костюме. – В моих краях принято извиняться!

– Что?! – устался он на меня.

– Как, что!? Да Вы чуть не сшибли меня с ног, – стояла я на своем. Не заметили, что ли?!

– Андреа, кто это? – спросил он у секретарши. – Вызови охрану, пусть очистят помещение. – Приказал он и, как ни в чем не бывало, вышел за дверь.

– Что это за тип? – спросила я, как только «грубиян» вышел.

– Хозяин фирмы, – довольно ответила Андреа и я, тут же, «прикусила язык». – его имя на твоей визитке.

– У него есть дети?

– Да, – кивнула головой Андреа.

– Бедняжки, – протянула я, усевшись на стол к секретарю. – Лучше уж быть сиротой.

Андреа длинным красным ногтем набрала на кнопочном телефоне комбинацию цифр, и положив трубку, вошла в кабинет напротив.

– Сеньор Ди Карло, сейчас тебя примет», – сказала она, когда вышла. – Можешь войти.

– Но он же только что...

– Младший сеньор Ди Карло, – ехидно улыбаясь, добавила секретарша.

Поправив кепку и глубоко вдохнув, я вошла в кабинет.

Переступив порог, я застыла от удивления.

– Этого не может быть! Только не ты! Господи, за что ты так со мной! Почему этот индюк здесь!?

– Поздно молиться, детка, теперь ты на моей территории.

* * *

Завтра утром пройдет месса, которую заказала одна сеньора и я спешила на репетицию. Мы уже почти все подготовили, осталось только прогнать еще разок.

Я распела хор и выстроила всех на балконе под витражом. Взяв на себя обязанности дирижера, я взмахнула руками, и дети начали петь.

Их голоса гармонично слились в песне, а стены храма создали удачную акустику

– Чолито! – позвал меня Падре Мануэль и я, оставив хор, подбежала к нему.

– В церкви нельзя кричать, – сказала я его же словами, но тот сделал вид, что не заметил замечания.

– Тебе не кажется, что это слишком монотонно? Не хочешь попытаться оживить их? Хору ведь совсем не обязательно быть таким... Ну, ты понимаешь.

– Нудным? Я уже пробовала. Это бесполезно. Может, пригласим болельщиков Бохо Джуниор, у тех хоть энергии побольше? А?

– Отличная идея, – усмехнулся Падре. – Кстати, пришел сеньор, у которого ты была вчера на собеседовании, сказал, что хочет с тобой поговорить.

– Падре, скажите ему, пусть валит ко всем чертям!

* * *

Падре Мануэль начал свою речь. Стоя у алтаря в белом литургическом облачении, священник поприветствовал всех присутствующих и разрешил сесть.

Зазвучала песня. Девушка в белом одеянии и синей кепке, козырьком назад, руководила хором.

Луиса с замиранием сердца, слушала их монотонное пение, но спустя пару минут хор ускорился и стал пританцовывать.

Она посмотрела на Падре Мануэля, который тоже пританцовывал в такт музыке, но заметив ее взгляд, сразу подбежал к «дирижеру» и прервал песню, сильно жестикулируя.

Луиса была в ярости. Они проявили крайнее неуважение к ее отцу и, как только месса закончилась, она подошла к Падре Мануэлю, который сразу же стал извиняться за то, что произошло во время службы.

Он и сам не ожидал, что Чолито настолько оживит пение.

– Хватит об этом, – попросила его Луиса. – Я подошла поговорить о своей свекрови. Больше я с ней не могу. Она все время сидит взаперти и ни с кем не разговаривает. Вот я и подумала, Падре, не могли бы Вы мне порекомендовать какую-нибудь девушку, компаньонку...

– Да, тут же приободрился священник. – Есть у меня девушка, которая могла бы ухаживать за Вашей свекровью. Она ведь будет жить в Вашем доме?

– Да, Падре, – закивала головой Луиса. – Она терпелива? У моей свекрови такой характер...

– Да, сеньора. Эта девушка, ТАК терпелива, как... как... – заходил взад-вперед Падре Мануэль.

– Она должна быть ангелом Падре, – перервала его мысль Луиса.

– Она и есть ангел, – сказал Падре, положив руку на сердце. – Дикий ангел.

* * *

– Твоя песня оживила мессу, – услышала я за спиной – Я от души смеялся, когда увидел тебя в кепке и в белом одеянии. – Прости, кстати, – добавил Блондин, протянув мне алый цветок.

– Еще чего! – ответила я, взяв розу.

– Присядем? – указал он на скамейку возле входа.

– Спасибо за розу...

– Нравится?

– Да, – кивнула я, поднеся бутон к носу.

– Выпьем вечером кофе?

– Нет! – резко оборвала я его. – Толстушка говорит, что если мужчина хочет выпить кофе, то...

– Это просто кофе. Ничего больше.

– Ну, не знаю, – сказала я и тут же замолчала, увидев, как в нашу сторону идет какая-то блондинка.

– Иво, что ты здесь делаешь? Кто этот парень? – спросила она, думая, что я не услышу.

– Я тебе сейчас покажу парня! – вскочила я.

– Тише – тише, – попросил Блондин. – Виктория, это не парень, это девушка – Карлитос. Карлитос – это моя младшая сестра – Виктория.

– Какая я тебе Карлитос! – снова замахнулась я, но уже на Блондина.

– Ну, и дикарка, – недовольно фыркнула Виктория, теребя в руках серый клатч, в тон ее выходному костюму. – Почему ты так одета? – обратилась она ко мне.

– Как?! Нормально я одета.

– Пожалуйста, Виктория, больше ни слова, – сказал Блондин сквозь зубы. – Ради твоего же блага. Прошу.

– Почему? Она что – трансвестит? – удивилась Виктория, а Блондин тут же закрыл собой сестру, зная на что я способна. И очень вовремя, ведь я чуть не вцепилась в волосы этой выскочки. Что это за слово такое – «трансвестит»?! Сама она – свистит!

– Милагрос, вот ты где! Я ищу тебя, – спас блондинку подошедший к нам Падре Мануэль. – Зайди в кабинет матери-настоятельницы, нужно поговорить.

Я бросила на Блондина и его спутницу холодный взгляд, показав жестом, что я за ними наблюдаю и ушла следом за Падре.

– Теперь я знаю, как тебя зовут, – прошипел мне вслед Блондин, ехидно улыбаясь.

Ничего ты не знаешь...

* * *

– Я нашел тебе новый дом, Чолито, – сказал Падре, как только мы прошли в кабинет с длинным столом. – И совсем скоро ты переезжаешь.

– Что значит, Вы нашли мне дом? Я не понимаю! Я что – котенок какой-то, что мне нужен дом?

– Не поясничай, Милли, – ответила за священника мать-настоятельница. – Падре Мануэль нашел для тебя работу. Я очень рада, потому что это очень приличная семья. Очень благородная.

– У тебя будет и еда, и крыша над головой, – взяла меня за руку монахиня. – И ты будешь получать зарплату. В выходные ты будешь приходить в церковь и у тебя будет своя комната.

– Ну, ты рада, дорогая? – спросил Падре Мануэль.

– Рада?! Рада ли я?! Мне придется уйти из этого дома, изменить всю жизнь. – Рыдала я взахлеб. – Не хочу я никуда уходить. Не хочу! Не хочу! Я не хочу никуда уходить! Вы слышите меня? Пожалуйста, не надо. Пожалуйста! – просила я мать настоятельница и Падре Мануэля, но в ответ они лишь тяжело молчали.

Я вскочила из-за стола и выбежала на улицу. Слезы, не переставая, лились из глаз.

На входе в монастырь я столкнулась с Глорией. Подруга взяла руками мое лицо и, увидев, в каком я состоянии, молча обняла меня.

Немного успокоившись, я рассказала ей о том, что Падре нашел работу, от которой я не могу отказаться, ведь я и так потеряла уже десять мест и даже то, что мне скоро день рождения никак не может повлиять на его решение.

– Что же мне без тебя делать? – заплакала Глория и теперь уже я успокаивала ее. – Я буду по тебе скучать.

– Я тоже буду по тебе скучать, – сказала я и поцеловала подругу в макушку. – Пожалуйста, не плачь.

– Не забудь свое обещание.

– Ты мне не просто подруга, ты для меня сестра, – сказала я вытирая слезы со щек Глории. – А это мой дом. Монахини – моя семья. Здесь я выросла, играла в футбол с Падре Мануэлем... Что мне дальше делать, как я могу уйти отсюда?

– Придумала! – приободрилась подруга. – Ты станешь монахиней, и тебе не придется никуда уходить!

– Ты что, спятила?! – возмутилась я. – Если я стану монахиней, то, как буду ходить по субботам на танцы? Только не это!

* * *

Зачем тебе все это надо, а?

Из-за того, что я бегая на танцы?

Ну, ты же меня знаешь, я только потанцевала и все! Что здесь особенного?!

Ты же сам говорил, что это не грех, почему же ты теперь обиделся?

Мне так хорошо здесь!

Нет, я отсюда не уйду!

Мне так хорошо с Глорией, Падре, сестрой Толстушкой.

Правда, мать-настоятельница очень строга, но ведь я ничего против нее не имею.

Зачем мне уходить отсюда?

Ну, ладно-ладно, я сделаю все, что ты хочешь.

Уйти?

Ладно, я понимаю тебя и без слов.

Я пойду в тот дом...

Вот, я тебе кое-что принесла. Ты же понимаешь, это не взятка, мы же свои люди!

Но если Падре Мануэль увидит – я пропала... Но ты же это любишь.

Пожалуйста, позаботься о Глории.

И не бросай меня, я не хочу остаться одна.

Оставив бокал красного вина у алтаря, я аккуратно вышла из часовни, чтобы никто не успел заметить меня.

* * *

Собирая вещи, я прощалась со своим детством. Многие через это проходили, многие смирились, а у меня до сих пор никак не получалось, ведь я переезжаю к незнакомой семье. Я боюсь, что не понравлюсь им, и они вышвырнут меня, как котенка, на улицу...

На меня нахлынула ностальгия. Как же прекрасно детство и как ужасна взрослая жизнь. В детстве тебе всегда все прощают. Сейчас же мне предстоит самой отвечать за свои действия.

– Все собрала? – спросила меня Глория, войдя в комнату.

– Да, что тут собирать, – грустно ответила я, пряча за спину розочку, которую подарил Иво.

– Смотри, библию не забудь.

– Конечно. Это ведь подарок Падре на день рождения. А вот ты, мне ничего не подарила...

– Еще успею, – ответила подруга. – А медальон не забыла?

– Нет, вот он, – сказала я, доставая из – под футболки цепочку. – Там он мне будет нужнее. Это святая Дева Соледаг – защитница всех одиноких, а там я буду совсем одна.

– Ничего, если я не буду тебя провожать? – расплакалась Глория.

– Ну-ка, не плачь! Иначе я сама заплачу! – скомандовала я, закидывая сумку на плечо.

– Иди быстрее, пока я не разревелась окончательно, – отвернулась Глория и я направилась к двери, но уже на пороге развернулась и крепко обняла ее.

Я спустилась вниз, чтобы со всеми попрощаться. Не хотелось мучить ни себя, ни их... Меня провожали все: Падре, Толстушка, мать – хозяйка и воспитанники. Все, кроме Глории. Подруга так и не нашла в себе силы спуститься вниз...

Падре сказал, что меня уже ждет такси и еще раз обняв всех, я отдала сумку водителю, а сама села на заднее сиденье.

Мысленно попрощавшись с домом еще раз, я отвернулась, чтобы не видеть, как мне машет вслед вся моя семья.

– Мы приехали, – вернул меня в реальность хриплый голос водителя.

Я вышла из машины, которая остановилась около огромного особняка, находившегося в самом богатом квартале города с высокими железными воротами.

Я вошла в калитку и позвонила в дверь. Мне открыл невысокий мужчина в круглых очках и костюме пингвина.

Я кое-как объяснила, что я от Падре и «пингвин», оставив меня на пороге, сказал, что сейчас вернется.

– Сеньора, пришел какой-то парень, говорит, что от Падре Мануэля, – услышала я с той стороны двери.

Я тебе покажу парня, оловянные глаза!

* * *

– А ты уверен, что это не гостиница, как показывают в кино? – спросила я дворецкого, когда тот привел меня в светлую уютную комнату с тремя кроватями.

Три кровати... Значит, я буду тут не одна, а это уже хорошо.

– Что это ты уставился на меня своими оловянными глазами?!

– Позволь тебе сказать. Мне подчиняется весь обслуживающий персонал и ты – не исключение. Каждый раз, обращаясь ко мне, ты должна делать это в уважительной форме. Как только разложишь свои вещи – сеньора Луиса будет ждать тебя внизу, – сказал он командным тоном и вышел из комнаты.

Я быстро скинула свои вещи в шкаф, который мне выделили, и спустилась вниз. Там меня уже ждала та самая «сеньора Луиса».

– Пройдем со мной. Я представлю тебя Анхелике, – скала она, как только увидела меня. – Во что ты одета?! Ой, не понравится это моей свекрови...

Мы поднялись на второй этаж и прошли вглубь коридора. Сеньора постучала в самую последнюю дверь.

– Здравствуйте! – сказала я бодро и весело, насколько это вообще было возможно, когда вошла за Луисой.

– Что это такое? – возмущенно спросила пожилая женщина.

– ТЫ??? – услышала я знакомый голос.

Я подняла глаза и увидела Иво. Вот так встреча!

– Что ТЫ здесь делаешь? Ты преследуешь меня или это очередная твоя шутка?! – я была в полнейшем шоке.

– Что это за девушка? – спросила старуха.

– Бабушка, сейчас я все объясню, – вступил в разговор Блондин.

– Бабушка?! – я аж задохнулась от удивления.

– Бабушка, дай мне объяснить, – продолжал парень.

– Не стоит ничего объяснять, – вмешалась Луиса. – Это моя ошибка. Не нужно мне было приводить сюда, это...

– Ступай, мама, – спокойно сказал Иво. – Я все улажу.

– Бабушка, дай мне все объяснить, – обратился к Анхелике внук.

– И не стоит пытаться! – пренебрежительно замахала руками старуха. – Это вульгарная оборванка не должна находиться в моем доме!

– Ну, уж нет, Донья! – выступила я. – Давайте без обид, а не то я скажу чего покрепче и посмотрим, кто из нас покраснеет.

– Оскорблений! – поправила меня Анхелика. – Нужно говорить не «обид», а оскорблений.

– Главное, что Вы меня поняли! И не надо строить из себя учительницу! – тут же нашлась я.

– Иво, если твоя мать считает, что я это так оставлю...

– Вы что, не видите, я тоже живой человек, – перебила ее я. – Укусите меня и увидите, что в моих жилах течет кровь! – сказала я, поднося руку к лицу Анхелики, и та скорчилась в недовольной гримасе.

– Карлитос, то есть... Ладно... По слушай, бабушка не хотела тебя обидеть, она очень добрая, – сказал он обратившись и уже обратился к ней. – Бабушка, эта девушка здесь, потому что ей нужна работа, – продолжил он ровным тоном, видя, как у бабушки уже лопаются терпение. – Дай ей шанс.

– Хорошо, – сдалась старушка. – Беру на испытательный срок.

– Еще неизвестно кто кого взял, – пробубнила я под нос.

Было видно, что старуха возмущена до предела и я почувствовала на себе холодный оценивающий взгляд. Донья Анхелика изучала меня, изучала каждый миллиметр.

– Как тебя зовут? – обратилась она ко мне.

– Милагрос.

– Ступай в свою комнату, Милагрос. Я даю тебе шанс. Но знай, если мне что-то не понравится – я отправлю тебя туда, от куда ты пришла.

Иво открыл мне дверь. Я направилась в свою комнату. Оказавшись там, я сразу же запрыгнула на кровать. Она была такая мягкая!!! Не удержавшись, я стала прыгать на ней.

В комнату постучали.

– Войдите!

Вошел Бернардо – оловянные глаза. Этот зануда тут же стал читать мне нотации по поводу того, что я скачу на кровати, как ребенок. Ну и типчик!

– Дай мне твою одежду, пожалуйста. Мне велели ее сжечь. Это приказ хозяйки.

– Ни за что! Пусть свою сжигает, если хочет... Это – моя одежда, я не позволю сделать это с ней.

В дверях дворецкий столкнулся с девушкой.

– Послушай моего совета: не обращай на него внимания. – Подмигнула мне девушка, – Он дворецкий этого дома. Старый кардинал. Самый преданный работник, знаток и хранитель тайн. Он знает все обо всех, кто тут живет и работает...

Я обратила внимание на бабочек, прикрепленных к ее фартуку.

– Что это у тебя? Уже весна?

– Нравится? У меня еще есть, только голубая. Если хочешь – я тебе ее подарю.

– Спасибо! – обрадовалась я. Бабочки мне и, правда, понравились.

– Я – Лина, – сказала девушка, протянув руку.

– А я – Милагрос, – ответила я и по старой привычке, плюнула на руку и поздоровалась с Линой. – Называй меня просто Милли или Чолито.

– Добро пожаловать! Мы будем жить в этой комнате вместе. Ты новая сиделка старухи?

– Да, только не знаю, сколько я смогу ее вытерпеть. Она мне не понравилась.

– Я тоже, кстати, не планирую задерживаться здесь, – сказала Лина, поправляя свои огненно-рыжие волосы ниже плеч. – Я учусь на парикмахера и скоро, как только закончу обучение – открою свой салон.

– Ничего себе! – удивилась я. – Это здорово! Желаю удачи. Ты бизнесмен, как и я.

– А у тебя какой бизнес? – спросила Лина.

– Продажи.

– И что ты продаешь?

– Да, все, что можно.

– Кстати, завтра у меня день рождения, – сменила тему Лина. Видимо продажи – не ее конек. – Ты приглашена!

– Ого! Как здорово! Я подросла, как раз к празднику, – присвистнула я. – Значит, завтра мы устроим ужин в твою честь, а потом пойдем на танцы.

– На танцы?! – удивилась Лина. – Но мне нечего одеть. Совсем.

– Не волнуйся, я что-нибудь придумаю. – А почему здесь три кровати? Надеюсь, этот парень спит не здесь?

– Нет! – сквозь смех ответила Лина. – Здесь спит Марта – другая служанка. Имей в виду, она – настоящая стерва.

– Оставь ее мне, – деловито ответила я, и стала разбирать свои вещи.

– Куда положить библию? – поинтересовалась Лина, достав ее из сумки. Новая подруга вызвалась помочь мне с разбором вещей. – На прикроватную тумбу?

– Да, – ответила я через плечо, перекладывая одежду в шкаф.

– Какая роза! – услышала я и сразу обернулась.

– Это моя, – выхватила я у Лины уже почти засохший цветок и вложила обратно в книгу.

– А что за цепочка у тебя? Она запуталась в волосах, дай поправлю! – «Вот, любопытная!» – подумала я про себя и наклонилась к Лине.

– Это святая Дева Соледат. Слышала о такой?

– Нет, я и не думала, что есть такая Святая, – ответила Лина и, взяв со своей тумбочки яблоко, громко откусила от него. – Вот так совпадение, этот дом тоже называется Соледат.

– Да ты что!? В честь того певца, который выходит на сцену в пончо?

– Неее, к этому дому пончо точно не имеет никакого отношения.

– Тогда почему его так называли?

– Не знаю, никогда об этом не думала. Наверное, потому что здесь все одиноки, – задумчиво сказала она. – Соледат – это одиночество.

– Странно, здесь столько комнат...

– Ты откуда? – спросила Лина, уже доедая свое яблоко.

– Да, тут, рядом. Час езды, – не вдаваясь в подробности ответила я. А ты?

– Из Хунина.

– Хунина?! Из такой дыры?

– Не из дыры, – надула губы Лина. – Это край, где живут Гаучо.

– Ну, понятно, – засмеялась я и в этот момент меня немного отпустило. Я ожидала худшего, когда ехала сюда. А пока все очень даже ничего.

* * *

Я работаю в этом доме всего несколько дней и еще многих здесь не знаю, но одного врага нажать уже успела. Это мой наниматель – маленькая седовласая старушка. Сеньора Анхелика.

На днях я ворвалась в ее комнату в тот самый момент, когда «оловянные глаза», так я прозвала дворецкого из-за его круглые очки и все время широко открытые глаза, принес ей чай.

В комнату я пришла не просто так, а чтобы рассказать, как Бернардо обращается со мной. Корчит из себя начальника, делает выговоры по поводу и без, вечно упрекает меня в том, что я грязнуля. А это, между прочим, не так! Я даже ванную за собой всегда мою...

Как только я забежала к старушке – она сию же минуту меня прогнала за то, что я, видите ли, не постучала перед тем, как войти. Но ведь я уже вошла?! Она могла бы меня выслушать, но нет же! Вместо этого она выставила меня за дверь и разрешила войти только после того, как я ПРАВИЛЬНО постучалась. Как она на меня разозлилась!

Было видно: я раздражаю ее. Тем не менее, я высказала ей свое мнение по поводу Берни.

– Скажите, чтобы он от меня отстал! Потому что, во-первых, я не грязная. Во-вторых, могу за себя постоять!

– Хорошо, Бернардо, – Анхелика устало махнула рукой, дав понять дворецкому, чтобы тот вышел из комнаты и перевела внимание на меня. – Позволь тебе сказать, сеньорита. Я запрещаю тебе употреблять вульгарные выражения в моем присутствии. Если тебе не хватает словарного запаса – лучше совсем молчи. Впрочем, я думаю: и сказать-то тебе тогда будет нечего. Так что держи рот на замке и делай свое дело. Ты поняла меня?

– Не надо сердиться, Донья! А то морщинки появятся...

Анхелика устала на меня, приоткрыв рот и я сразу поняла, что из него сейчас полетят неприятные словечки. Поэтому я быстро схватила со стола овсяное печенье и убежала на кухню.

Ух, какая неприятная старуха! Они с этим дворецким – отличная пара! Придирчивые и чопорные, прислугу за людей не считают...

* * *

Сегодня у нас праздник – День рождения Лины. Я уже позвала именинницу на дискотеку. Теперь осталось придумать, в чем она пойдет. Лина раньше никогда не была на танцах. Надеть ей по этому случаю нечего... Проблему нужно как-то решать. Вот только, как?

Я зашла на кухню и попросила Сакорро – нашу кухарку, приготовить на ужин что-нибудь вкусненькое. Сакорро работает поваром в особняке очень давно, сколько себя помнит. Это очень добрая женщина, терпению которой можно позавидовать!

Ее дочь Марта – та еще штучка, настоящая змея! Постоянно впутывается в какие-то истории, заставляя мать переживать. Сакорро сложно справляться одной. Ее муж умер, когда ее дочь была совсем ребенком.

В наш разговор влез Рамон – здешний садовник. Статный мужчина. Покоритель роз и женских сердец, по своему собственному мнению. Тайно влюблен в Сакорро, но все никак не решается в этом признаться.

Думаю, Сакорро, он тоже нравится. Я не раз замечала, как у нее появляется легкий румянец, стоит Рамону только появиться рядом. Эти двое такие смешные!

– Минутку, сеньорита! Вы не слишком ли молоды, чтобы отдавать приказы? – возмутился Рамон.

– А ты не слишком стар, чтобы давать советы? – парировала я.

Эта фраза «убила» Рамона. Он замолчал.

– Сакорро, так ты приготовишь нам что-нибудь праздничное? У Лины сегодня День Рождения. Давайте вечером все вместе поздравим ее.

– Хорошо, Милли. Я что-нибудь придумаю.

– Спасибо, Сакорро, ты просто прелесть! – обняла я ее и побежала в свою комнату. Бернардо сказал, что для меня готова униформа, в которую нужно срочно переодеться.

Я забежала в комнату. На кровати уже лежало «это». Моя униформа была розового цвета. РОЗОВОГО?! Они издеваются?! Почему я должна носить это? Я одела платье и пошла к Донье, чтобы разобраться.

– Послушайте, Донья!

– Сеньора...!

– Ладно! Послушайте, сеньора Донья! Ладно уж так вышло, что я на Вас работаю. Но не понимаю, почему я еще должна носить это платье. Зачем? Объясните? Оно же ужасное.

– Нахалка! Неужели я должна перед тобой отчитываться?! Немедленно убирайся отсюда. Давай быстро!

– Но...

– Вон! Быстро!

Я надула щеки и вышла из ее комнаты. На глазах стали наворачиваться слезы. Я не хотела, чтобы их кто-то видел. Поэтому побежала в свою комнату, но в коридоре нос к носу столкнулась с Иво.

– Эй, что такое? Ты плачешь? – спросил он, останавливая меня.

– Нет. Не плачу.

Ничего не объясняя, я хотела поскорей оказаться в своей комнате, но Иво преградил мне путь.

– Ну, что случилось?

– Почему все меня ненавидят? Что я вам сделала?

– Ничего ты не сделала. С чего ты это взяла?

– Донья постоянно отчитывает меня за то, что у меня не получается все делать так, как она хочет, Бернардо...

– Подожди. Посмотри на меня.
Иво рукой вытер мои слезы и нежно поцеловал в щеку.
– Ну как? – спросил он. – Успокоилась?
– Что как? После этого поцелуя в голове все смешалось... Я с трудом начала соображать.
– Поцелуй. От него тебе стало легче?
– Поцелуй?! А-а-а, прости. Я не заметила – улыбнувшись ему, я пошла к себе в комнату, с трудом переводя дыхание.

Этот поцелуй застал меня врасплох и спутал мысли. В голове был какой-то туман, вязкий, но приятный... Я растерялась.

– Знаешь, а это платье тебе очень идет! – крикнул он мне вслед.
– Такие платья не для меня!
– Если хочешь – могу его с тебя снять.
– Что?!
– Идем в мою комнату, и я прямо сейчас его с тебя сниму. Мы приятно проведем время.
– Ты за кого меня принимаешь?
– За простую горничную.
– Вот именно. А горничные не ходят по комнатам хозяев.
– И не любезничают с ними, в отличие от тебя.
– Хорошо, сеньор. Простите. Если я вам больше не нужна, то я пойду.
– Хорошо, иди.
Вот нахал! От злости я сжала кулаки и стиснув зубы, смотрела на него, готовая везать.
– Иди-иди! – продолжал издеваться Иво.

Я демонстративно подняла подбородок и пошла по коридору. Что позволяет себе этот парень?! Он думает: стоит поманить пальчиком – любая побежит к нему в постель?! Не на ту попал. Я ему еще покажу, похотливый пес! Он считает, что все девушки одинаковые, но я честная и приличная! Не воровка и не какая-то проститутка!

Но злиться было некогда. Нужно было решить вопрос с платьем для Лины. Я решила: почему бы не «одолжить» его у Виктории – сестры Иво. Выскочка, как и ее братец. Смотрит на всех свысока. Ну и что, что она любимая дочка хозяина, которой все достается легко, стоит лишь попросить. Нужно же оставаться человеком! А за «трансвестита» она должна ответить.

Возьму ее платье на один вечер, а завтра верну его на место. Уверена, она и не заметит!

В обед, когда дома было тихо, как в музее, я пробралась в ее комнату и взяла самое яркое платье, которое Лине точно понравится!

* * *

– Марта сказала, что Вы ищите меня, – сказала я, когда мне разрешили войти.
– Да, на вот, прочти здесь, – протянула мне книгу Анхелика.
– Что это?
– Читай!
– Ладно, ладно! – сказала я и стала читать по слогам то, что написано в тоненькой книжке. – Вы простите меня Донья, но так как тут написано – не говорят. Надо говорить не – «ни один из них», а – «никто». Так что тот, кто это написал, по – моему, не слишком – то образован.
– Это Беккер, – поправила Донья.
– Кто? Ваш друг?
– Беккер! Хотя, откуда тебе знать, ты необразованная и глупая. Беккер – великий поэт и он умер много лет назад.

– А-а-а, теперь поняла. Перед тем как умереть, он подарил Вам эту книгу?
– Что ты несешь! – Повысила тон Анхелика, хватаясь за голову.
– Тише Донья, я же говорила, что будет, если будете сердиться. Видели собаку, у которой щеки свисают, как они там... – пыталась я вспомнить породу собаки, но в дверь постучали, и я сбилась с мысли окончательно.
– Вы звали меня, сеньора? – спросил дворецкий, почти вбегая в комнату.
– Да! Убери отсюда эту пигалицу
– Как Вы меня назвали?!
– ПИ-ГА-ЛИ-ЦА! – повторила Донья по слогам, что даже Бернардо не ожидал таких слов от хозяйки.
– Ах, пигалица?! Я Вам покажу пигалицу!
– А ты не трогай меня, иначе укушу, – сказала я дворецкому и вышла из комнаты.
Переступив через порог, я заметила, что этот Беккер до сих пор у меня в руках, и я швырнула его в комнату, надеясь, все же, что ни в кого не попаду.

* * *

Вечером, закончив с делами, я пришла на кухню чтобы узнать, как там дела с праздничным ужином для Лины.
Сакорро хлопотала на кухне, а весь стол был уставлен изысканными блюдами.
– Это для нас? – обрадовалась я такому пиру.
– Нет. Это для хозяйских гостей, – ответила за повариху Лина, у которой, явно, не было настроения на праздник.
– А что будем есть мы?
– Пюре с сосисками, – ответила Сакорро.
– Ну, уж нет, – возразила я. – Раз я обещала праздничный ужин, значит, будет праздничный ужин. А ну, давай мне эти сосиски с картошкой!
Слепив из пюре пирамиду, я украсила ее сосисками, а сверху покидала помидоры-черри.
Поставив этот «шедевр» на поднос, я отправила Лину подавать ужин, а сама наблюдала в проходе.
– Что ты делаешь? Нас уволят!
– Не переживай, Лина, не уволят. Если что – мы выдадим это за шутки и подадим другой ужин, но ведь может и пронести, так? Не дрейфь, неси это в зал.

Сеньор Федерико – хозяин дома и муж Луисы, пришел в ярость, когда увидел, что им подали на ужин и приказал уволить наглуго служанку, а заодно и повариху, что приготовила этот стыд.

Я тут же вступилась за подругу, в надежде, что двоих-то сразу не уволят, но ошиблась. Оглядевшись, я заметила, что моей нанимательницы за столом нет и спасти меня никто не сможет.

И помощь пришла, откуда не ждали.

Нашу шутку поддержал Иво, сказав, что это он попросил приготовить пюре, по рекомендации своего друга, вернувшегося из Майорки. Ведь это блюдо сейчас – хит сезона, да и он с детства уже не ел пюре с сосисками, так почему бы не совместить оба повода.

– Кому положить? – улыбалась в свои тридцать два зуба Лина.

И гости, которые сначала были в шоке, стали протягивать свои тарелки, в нетерпении отведавать это ультрамодное блюдо.

– Вам какую сосисочку толстую или тонкую, – спросила я у Федерико, поднося тарелку ближе. Но увидев, что тот не оценил шутку, молча навалила на тарелку пюре и взяла следующую.

Лиана разложила всем гостям «модное блюдо» и мы быстро ушли прочь, пока те не одумались.

– Милли, ты сумасшедшая! – кричала восторженно Лиана, когда индейка и икра досталась на ужин прислуге.

– Я ведь тебе обещала! Но это еще не все! Как я и обещала, я нашла для тебя самое шикарное платье на дискотеку. Только завтра мы должны повесить его на место в целостности и сохранности, так что будь поаккуратней с ним.

– Ты его украла?!

– Нет, Лиана, я его одолжила. О-ДО-Л-ЖИ-ЛА! На время, понимаешь?!

– Где?

– У сеньориты Виктории.

– ЧТО?! Нет, куколка, спасибо, конечно, но я не пойду в платье сеньориты Виктории. Она убьет меня, когда узнает.

– Не узнает! Все будет «путем», Лиана. Не паникуй. Главное, не порви его, а с остальным я разберусь.

– Мне не нравятся твои методы, Милли, – Качала головой Лиана, но резко сменила тему. – Интересно, а Бобби ходит на танцы?

– Кто такой Бобби?!

– Это друг Иво. Он мне очень нравится, только он по уши влюблен в сеньориту Викторину и до меня ему нет никакого дела!

– Поверь, если сегодня он там будет – то обязательно тебя заметит! Это розовое лаковое платье на тебе отлично сидит и идет тебе даже больше, чем самой сеньорите Виктории, – приободрила я Лину и мы стали собираться на дискотеку. Я хотела прийти пораньше, чтобы можно было свободно потанцевать, пока зал на половину пуст.

Наконец, мы добрались до клуба. Дискотека уже была в самом разгаре, потому что раньше выйти нам не удалось. Лиана больше часа истерила, что не пойдет в этом платье. Но, как только к ней подошел первый парень, она тут же забыла обо всем и начала кокетничать со всеми парнями, которые оказывали ей знаки внимания, пока мы пробирались к центру танцпола.

Несмотря на атмосферу праздника, я заскучала по Глории. Вспомнила, как мы с ней приходили сюда и точно так же веселились от души. Мне было не по себе от того, что я сейчас здесь без нее.

Лиана прервала мои мысли, предложив уйти с дискотеки. Я не стала сопротивляться, но причину все же нужно было выяснить.

Вслед за ней я вышла на улицу.

На улице было тихо и спокойно. Бабочка, так я прозвала Лину за ее большое количество бабочек на ее форме, спряталась за углом клуба.

– Что случилось? Почему ты захотела уйти? Это ведь твой вечер!

– Здесь Бобби, – ответила Лиана. – А, значит, и сеньор Иво тоже... Если бы он увидел меня – то рассказал бы хозяину, и меня уволили.

– Да брось, Лиана! Ничего бы не было! Это твое личное время, и ты можешь проводить его как хочешь. А как иначе ты хотела познакомиться с Бобби? Поверь, здесь он тебя точно не заметит.

– Да, но все равно лучше подстраховаться! Я не хочу терять работу!

– Я не знала, что ты такая трусиха! Знаешь, что мне всегда говорила сестра Толстушка? Расслабься и получай удовольствие. Так она говорила, когда я заставляла ее по ночам у холодильника, в то время, как днем она всем говорила, что села на диету. Но смысл – то ведь тот же.

– Ты вернулась! – раздался сзади меня мужской голос. – Ты вернулась! – повторял мужчина, словно под гипнозом, схватив меня за руку.

– Отстань от нее! – закричала Лина.

– Что тебе нужно? – спросила я, пытаюсь вырваться. – Отстань от меня!

– Она сказала – отстань! – услышала я знакомый голос.

Иво, подоспевший, как всегда, вовремя, словно у меня в кармане жучок, по которому он всегда меня находит, застал маньяка врасплох и одним точным ударом он отправил Иво в нокаут.

Я подбежала к Блондину, проверить дыхание.

Лина, стоявшая рядом, верещала, что когда хозяин очнется, то мы останемся без работы и что нам срочно нужно бежать отсюда, пока толпа зевак не стала больше и сюда не пришел Бобби.

Удостоверившись, что с Иво все будет в порядке, мы скрылись в толпе и направились в сторону особняка.

Придя домой, я попросила Бабочку не беспокоиться. Если ее уволят, то я уйду с ней, но хозяева на это права не имеют, но если все же... То у меня куча бизнес – идей и мы не пропадем.

Мы тихо вошли в комнату, и включили свет. Марта ждала нас и с порога сказала, что расскажет все хозяевам. Но я предупредила ее, что если она откроет свой рот, то я выдеру все ее черные кудрявые волосы.

* * *

– Господи, за что мне такое наказание?! Никаких манер, никаких правил этикета, никаких норм! Господи! Эту девчонку ты прислал не из монастыря, а из самого дикого аула?

Я стояла в комнате Доньи. Старуха вот уже полчаса отчитывала меня за то, что я накрасила глаза тушью. Вернее, это сделала Лина. И еще вчера. Я просто не успела смыть макияж, ведь еще даже не ложилась спать. Мы всю ночь проболтали с Линой о мальчиках и о будущем. Да и какая разница?! Я ведь это сделала не для нее.

Донья кричала и обзывала меня. После долгих возмущений и нравоучений на тему того, что юная леди не должна краситься, она потащила меня в ванную комнату и заставила смыть всю косметику.

– Ты еще ребенок. Дети не красят лица – кричала она. – Ты выглядишь, как покрашенная дверь.

– Я не дверь! Это всего лишь тушь для ресниц, Вы знаете, что это такое? Или в вашем веке еще вы красили глаза углем?!?

– Ш-ш-ш! Тебе нужно научиться молчать, когда я говорю!

Когда Донья успокоилась и разрешила мне идти – я побрела в свою комнату. Сегодня никаких поручений больше не было. Наступило время заслуженного отдыха. Я забралась под мягкое одеяло и задремала.

Мне снился жуткий сон о том, как меня преследует вчерашний бродяга, а я пытаюсь ускользнуть от него, прячусь в подворотнях, но он настигает меня. Снова и снова. Я пытаюсь кричать о помощи, но слова застывают. Я будто немею. И вот ему, наконец, удастся меня схватить...

– Милли, Милли! Что с тобой?

Я кое-как сфокусировала свой взгляд и увидела над собой встревоженную Лину.

– Что случилось? Зачем ты трясешь меня?

– Ты кричала, когда я зашла в комнату.

– Кричала? Мне приснился страшный сон. Помнишь, вчера, когда мы возвращались домой с дискотеки? Я еще сказала, что за нами кто-то идет.

– Помню. Но ведь там никого не было.

– Я уверена, что был. Это был тот же парень, что схватил меня тогда у клуба.

– Ты просто впечатлительная. Я искала тебя, Милли. Старухе стало плохо. К ней приехал врач и сейчас он осматривает ее в комнате.

Не став дослушивать Лину, я вскочила с кровати, наспех привела волосы в порядок и побежала к Донье. Когда я подошла к двери ее комнаты, то услышала голоса за дверью. Я прислонилась, чтобы получше разобрать, о чем там говорят.

– Ни за что! Я никогда не сдамся. Я чувствую! Я знаю, что мой внук жив. Я уверена в этом, – слышался мне голос Доньи.

– Но я чувствую тоже самое. Я просто говорю о другом, сеньора. Я говорю о том, что мы можем никогда его не найти, – этот голос мне тоже был знаком, он принадлежал «пингвину» – дворецкому.

– А я говорю о надежде. Я знаю, что однажды найду их.

Я постучала в дверь, но мне никто не ответил. Поэтому я разрешила себе войти без спроса.

– А Вам лучше еще какое-то время оставаться в постели, – сказал доктор.

Затем он собрал свои прибабасы в коричневый чемоданчик и вышел из комнаты, любезно попрощавшись со всеми.

– Я тоже пойду, сеньора, – сказал Бернардо.

– Иди-иди, «оловянные глаза», – попрощалась я с ним.

– Донья! То есть... сеньора. Можно Вас спросить? А кто такая Росарио?

– Где ты услышала это имя?

– Когда я постучала в дверь, мне никто не ответил... Я нечаянно подслушала часть вашего разговора.

– Это мать моего внука.

– Я не знала, что у Вас есть дочь.

– У меня ее нет. Федерико – мой единственный сын.

– Простите, я не понимаю... Кто тогда Росарио? Первая жена Федерико?

– Нет, он на ней не женился. Оставил до того, как сделать это. Она... видишь ли... Она... – у Доньи задрожал голос и на глаза выступили слезы.

– Нет-нет, Донья, не нужно плакать. Поговорим о чем-нибудь другом. Например, о погоде. Сегодня так влажно... – начала я успокаивать ее, но поняла, что это не помогает.

Мне стало жалко Донью. Она была беззащитной и такой доброй. Я чувствовала, как у самой подступает ком к горлу. Анхе лика посмотрела на меня и, улыбнувшись, продолжила.

– Мой внук примерно твоего возраста. Сколько тебе лет?

– 27 ноября исполнится восемнадцать.

– Значит, через месяц твой День рождения? Нет, мой внук предположительно родился в январе, он на два месяца моложе тебя.

– Ваш сын не признал ребенка?

– Нет. Мой муж был деспотом, он заставил Федерико жениться, чтобы спасти компанию, хотя тот был очень влюблен в Росарио. Росарио была добрейшим человеком. Надеюсь, когда-нибудь я найду ее.

– Бедняга. Я имею в виду Федерико... Наверное, Росарио была очень счастлива иметь от него ребенка. Когда я впервые увидела Вашего сына – подумала, что мужчина не счастлив. Это написано у него на лице.

– Да, когда-то Федерико был очень счастлив. Он был совершенно другим человеком. Луиса убила в нем всю человечность, а деньги сделали его холодным и расчетливым. Но хватит о грустном на сегодня! Принеси мне лучше один тост с джемом и один с сыром. Что-то я проголодалась.

– Сейчас все будет, Донья! Никуда не уходите!

Я пошла на кухню, чтобы за тостами, но Сакорро не было на месте, и я решила приготовить их сама. Ведь что может быть проще! Намазать джемом, сверху – сыр и еще тост. Готово!

* * *

Боженька, за что ты так со мной? Что я натворила в прошлой жизни, что в этой ты меня так сильно наказываешь? За что мне все это? Объясни, пожалуйста», – разговаривала я сама с собой и с Богом, пока Донья возмущалась, возмущалась и опять возмущалась.

– Я хотела один тост с джемом и один – с сыром, – смотрела она на меня серыми, как жемчужины, глазами.

– Я так и сделала, – развела я руками.

– Ты положила все вместе, а я хотела один с сыром, один – с джемом, – ее голос начал срываться.

– Перестаньте капризничать!

– Не говори так, уличная девчонка!

– Уличная Ваша бабушка! Я сделала, что Вы просили. А теперь Вы меня ругаете. Что с Вами? Я Вам принесла тост с сыром и джемом.

– А я хотела ОДИН тост с сыром и ОДИН с джемом! – пыталась она мне объяснить на пальцах.

– Это старая привычка, так вкуснее, Вы попробуйте!

– Старая твоя бабушка! – вдруг выдала Анхелика.

– Видите, мы начинаем понимать друг друга, – подмигнула я, а Донья рассмеялась в ответ, так звонко, словно уже сто лет она не смеялась, а сейчас весь смех вдруг вырвался наружу.

Она смеялась, словно ребенок. Искренне. На секунду, я увидела в ее глазах счастье.

В коридоре меня остановила Лина и сказала, что хотела вернуть платье Виктории на место, но увидела на нем пятно.

– Принеси мне все чистящие средства, какие найдешь, Лина. Будем избавляться от него.

Зайдя в комнату, я насторожилась... Пахло мужским одеколоном. Я оглядела комнату и подошла к шкафу. Мне показалось, что внутри кто-то сидит. «А вдруг тот самый бродяга?» – испугалась я и, взяв в руки утюг, открыла дверцу резким движением.

– Не выдавай меня, – вывалился из шкафа Рокки, которого считают беглым преступником.

Рокки – водитель семьи Ди Карло. Он невысокого роста, зато высокого о себе мнения. Я думаю, что он влюблен в Викторию.

Рокки постоянно вертится около нее, играя роль водителя «Мисс Дейзи». Она даже дала ему имя – Морган. Нос не дорос до такой «штучки». Хотя, нос-то у него как раз огромный, отчего лицо такое комичное.

На днях на фирме хозяина произошла какая-то мутная ситуация с передачей денег и во всем обвинили его.

– Ты с ума сошел? Ты украл полмиллиона. Меня примут за соучастницу!

– Если бы у меня было столько денег, был бы я до сих пор здесь? – вполне резонный вопрос задал Рокки, и я согласилась с тем, что он не виновен, ведь у него и мозгов бы не хватило на такую аферу, нет я не думаю, что он туп, просто не по нему все это, его наверняка, подставили. – Можно я спрячусь здесь, пока все не уляжется. И убери из рук утюг, прошу тебя.

– Хорошо-хорошо! Никаких проблем я никому не скажу. Лина тоже не скажет, а вот с той с огромной гривой, как ее... Марта. Вот с ней могут быть проблемы, эта стерва не станет молчать. Но мы что-нибудь придумаем, ладно?

За дверью, послышались голоса. Это были Март и Лина.

Я затолкала Рокки обратно в шкаф.

Марта, кажется ничего не заметила и переодевшись, ушла.

Лина протянула мне корзину с чистящими средствами и изучив содержимое, я принялась поливать все подряд на платье Виктории.

– Милли, ты уверена, что знаешь как вывести пятно?

– Нет, но как раз пытаюсь разобраться.

– Вылив все, что есть? А если это сделает только хуже?

– Лина, скажу сразу, это пятно не вывести, поэтому я просто перекрою его другим и мы сделаем вид, что никогда в жизни не видели его. Кто в доме занимается гладкой?

– Отлично! Она и будет отдуваться за испорченное платье.

* * *

После тяжелого дня я долго нежилась в ванной, думая о рассказе Доньи. Мне даже стало жаль ее сына. Хотя, с другой стороны... Он мог бы побороться за свое счастье! Вместо этого он потакал отцу, женился на нелюбимой, бросил родного ребенка... Нет! Не понимаю я этого. Трус он, вот он кто! Он такой же, как мой отец, наверное, поэтому я сразу невзлюбила его.

Завернувшись в полотенце, я вышла из ванны, посреди комнаты стоял Дамиан. Скользкий тип, брат Луисы. Низкорослый брюнет думает, что он самый умный здесь, а на деле просто скользкий червяк. Он помешан на себе и деньгах. Он и родную мать продаст, если за нее предложат кругленькую сумму!

На нем был серый костюм и дурацкий оранжевый галстук, а его противным одеколоном провоняла уже вся комната.

– Так-так-так, а ты хорошо смотришься в полотенце, – протянул он, а его взгляд неприятно заскользил по мне. Я сразу почувствовала себя какой-то липкой и противной. Захотелось вернуться в ванную и отмыться от этого взгляда... – Но ты будешь смотреться еще лучше, если скинешь его.

– А Вы будете смотреться просто отлично с вазой, разбитой о Вашу голову, если сейчас же не уберетесь отсюда.

– Успокойся, крошка. Такая милая и агрессивная. Мне нравится...

Я схватила с трюмо вазу и замахнулась.

– Тише! Поставь ее на место, я уже ухожу. Нек тебе и приходил.

Какой он противный. Настоящий жук! Бесит меня до дрожи... Ни одной юбки не пропустит! Ненавижу таких!

Когда пришла Лина, я рассказала ей о приходе Дамиана.

– Не обращай на него внимания. Его личная жизнь не складывается, вот он и захаживает сюда, к Марте.

– К Марте?! Ну что ж, это вполне логично. Стоят друг друга.

Марта – наша третья соседка, дочка Сакорро. Когда они приехали сюда, Марта была еще ребенком, который вырос в довольно вредную стервозную особу.

Марта мечтает выскочить замуж за какого-нибудь богача. В ожидании «принца» она, правда, не теряет время даром и вечно связывается не с теми парнями.

Вроде того же Дамиана, который пользуется ее наивностью и постоянно впутывает в свои авантюры.

Мне порой кажется, что Марта не такой уж плохой человек. Просто нацепила на себя маску стервы, а в душе несчастна... Она часто задирает всех, и, клянусь, когда-нибудь я выдеру ее мелкие кудри.

* * *

– Милли, ну пойдём со мной на танцы, – уговаривала меня Лина.

– Не хочется что-то. Я устала, голова кружится... Так что, компания из меня сегодня никакая. Сходи сама, раз так сильно хочешь. Уверена, ты не будешь скучать там одна.

Лине очень понравилось тогда на танцах. И она теперь ходит на них при первой же возможности. А это каждую субботу. А меня это сильно утомляет, особенно парни, которые не дают прохода и Иво, появляющийся из ниоткуда, пытающийся меня защитить от всего во что бы то ни стало.

На самом деле я уверена в том, что Лина туда бежит, чтобы подцепить Бобби.

И что она в нем нашла?! Худющий парень с длинным носом и низкой самооценкой, который теряется на фоне Иво. Бобби так сильно влюблен в хозяйскую дочь, что никого, кроме нее, уже давно не замечает.

Как-то он даже исполнил для нее песню на радио. Честно сказать, песня была не плохая. Да и голос у него хороший... Но Виктория со своими подружками засмеяла его. Вот курицы!

А Лина все не унималась.

– Я не хочу идти одна. Пошли со мной, Милли! Ради меня!

– Я же сказала, я не хочу. Давай в другой раз.

Лина все же пошла на танцы одна, а я расстелила постель и легла под одеяло. Тяжелый все-таки выдался денек. Зато я чувствую, что начинаю нравиться Донье. Теперь она не такая строгая со мной, хотя все еще учит уму-разуму. Ну, тут уж, наверное, ничего не поделаешь.

И меня все мучает один вопрос – почему она никогда не выходит из своей комнаты?

Кто-то считает, что она протестует, кто-то, что сошла с ума, а Рамон предположил, что Луиса ей запретила выходить, та считает себя полноправной хозяйкой в доме, несмотря на то, что дом принадлежит семье Ди Карло.

Ночью, вернувшись домой, Лина разбудила меня и вытащила в сад. Там мы присели на скамейку между кустами роз.

– Милли!

– Что?

– С Днем Рождения тебя! – сказала Лина и протянула мне шкатулку. В ней лежала заколочка, миленькая маленькая заколочка, украшенная стразами. Это было так трогательно, и я крепко обняла подругу.

– Спасибо тебе! Ты первая, кто поздравил меня!

Мне не часто дарили подарки, наверное, поэтому я так сильно их ценю...

– Слышишь? Кажется, кто-то идет, – насторожилась Лина.

В глубине двора послышались голоса.

Мы узнали Иво и его друга Бобби. Парни шли и обсуждали девиц, которых они сегодня кадрили на дискотеке.

Подойдя к нам, они подсели рядом.

- А что это за чудесные дамы сидят здесь, да еще и одни такой поздней ночью? По голосу Иво было понятно, что он слегка пьян.
- Вас ждем, – язвительно ответила ему я.
- Да, вам, гляжу, и без нас хорошо. Простите, что помешали вашим объятиям. Бобби засмеялся. Хоть и шутка была дурацкая.
- У Милли сегодня День Рождения, – робко произнесла Лина.
- А почему нам никто не сказал... ой! – сказал Иво и громко икнул. Он попытался сделать обиженное лицо, но это было больше похоже на кислую мину.
- В этот момент он был очень смешон и мил.
- Иво наклонился ко мне, чтобы поцеловать, но я успела предупредить этот неуклюжий жест и подставила руку.
- Со словами «Поздравляю!» он поцеловал ее.
- Спасибо! – ответила я еле слышно, одергивая руку.

* * *

Утро началось празднично. Как я потом узнала от Лины, она специально встала пораньше и попросила Сакорро приготовить мне кекс, в который они вставили свечку.

С этим праздничным кексом и широкой улыбкой Лина и разбудила меня, произнеся пламенную поздравительную речь. Было видно, что для нее это тоже праздник!

Однако прохлаждаться мне было некогда. Уже полчаса назад я должна была подать завтрак Донье, но из-за ночных посиделок в саду, я не смогла проснуться вовремя.

Взяв на кухне поднос с уже остывшими тостами, я вошла в комнату. И даже постучалась перед этим!

– Простите, Ваш чай...

В своей комнате Анхелика была не одна. Казалось, здесь сегодня собрался весь дом.

– У Вас здесь танцы? – спросила я, оглядев толпу.

Но на мою шутку они отреагировали осуждающим взглядом.

– Что-то произошло, Донья? Вам снова стало плохо?

– Произошло ужасное! Кто-то украл у моей свекрови очень ценный медальон! – ответила Луиса.

– Святой Девы Соледат? Той самой, Донья?

– А ты откуда знаешь, какой?! – насторожилась Виктория.

– Милли, тебе ведь тогда понравился мой медальон, помнишь? – спросила Анхелика. – Ты сказала, что у тебя тоже есть кулон с этой святой.

Днем раньше я, как обычно, сидела в комнате у Доньи, и мы разговаривали о ее пропавшем внуке, она показала мне золотой медальон с изображением Святой Девы, который подарит своему внуку, когда найдет его.

Я запомнила это, потому что сама поклоняюсь этой святой. Она для меня все. Мой медальон остался мне от мамы. Эта святая – покровительница одиноких. Это единственная вещь, которая у меня есть от нее.

Я хотела показать его Донье, так как она не поверила, что он у меня есть. По словам Анхелики, мало кто знает эту святую. К сожалению, я не могла доказать обратное: со мной не было медальона в тот день, я забыла его в ванной, на полочке, когда мылась...

– Ты ведь говорила, что поклоняешься этой святой, может, ты взяла его случайно? – не дождавшись моего ответа, продолжила Донья.

Меня охватила такая обида, что я чуть не разревелась прямо там.

– Вы что, Донья! Вы в своем уме?! Вы думаете, я могу что-то взять и не сказать об этом?! Я ничего не брала, Донья! – у меня полились слезы. – Почему все сразу думают, что, если я сирота, то, значит, и воровка?!

– Милагрос! Я тебя не обвиняю. Я только говорю, что сегодня – твой День Рождения. Поэтому возможно... – осторожно продолжила Анхелика.

– Нет! Я не воровка! Общайте меня, если хотите!

– И общем! – выступила блондинка.

– Это не поможет. Служанки не дуры, – вмешалась Луиса. – Я уверена, что мы не найдем его. Скорее всего, она уже вынесла его из дома.

– Но я...

Я хотела им объяснить, что не выходила из дома в последние дни. Но после предложения Бернардо все же обыскать нашу комнату, все ринулись туда.

Все, кроме Анхелики. Она лежала на кровати бледная и беспомощная. Глаза потускнели от слез. От ее расстроенного вида мне было тяжело на душе, со слезами я спустилась на колени и встала возле кровати.

– Донья, зачем Вы так со мной? Донья, не нужно так со мной. Я ничего не сделала!

– Если это не ты – я извинюсь перед тобой.

Ее голос был сухой и ровный. Даже отчасти безразличный. От ее слов мои слезы полились еще сильнее.

– Не утруждайте себя извинениями! Я никогда Вас не прощу Никогда! Меня смешали с грязью. А это самое противное чувство, которое я когда-либо испытывала. Мне казалось, что Вы единственная в этом доме, кто здраво мыслит, но нет, я ошиблась.

Я вышла из комнаты, громко хлопнув дверью. В нашей комнате был полный кавардак. Луиса с дочерью переворачивали матрасы, выкидывали на пол содержимое всех тумбочек.

Я молча стояла в проходе и наблюдала за тем, что происходит.

– Молись, Милагрос! – обратилась ко мне Виктория – Молись! Ведь, если мы найдем медальон – тебя надолго посадят в тюрьму.

До последнего я была уверена, что они ничего не найдут. Ведь я его не брала!

Но когда Луиса подняла мой матрас – я увидела тот самый медальон!

– Как ты это объяснишь? – обратилась она ко мне.

– Сеньора, это не мое! Я ничего не брала! Я не знаю, как он там оказался, клянусь Вам!

– Поздно отпираться! Факты говорят сами за себя. Мы немедленно вызываем полицию.

– Это не правда! Я не крада его! – Я пыталась докричаться до них, но они не слушали меня.

– Милли, я помню, как ты говорила, что хотела бы иметь такой же медальон, как у бабушки, – вмешался Иво.

– Одно дело, когда что-то нравится, но другое – воровство! – Моему возмущению не было предела. – Да, я сказала, Донье, что хотела бы получить его в подарок, когда мы говорили о ее внуке. Но это всего лишь слова! Я ничего не крада. Бог – свидетель! Я лучше руку себе отрублю, чем возьму чужое.

– Если Бог свидетель, тогда скажи, чтобы пошел в полицию и вступился за тебя, – отрезала Луиса.

– Сеньора, если я позвоню в полицию – поднимется шумиха. Репортеры сбегутся, – деликатно вмешался Бернардо.

– Да, Бернардо прав. Никуда не надо звонить. Просто вышвырните ее и все, – сказал Федерико и вышел из комнаты. – Воровка в моем доме! Какой позор! – бормотал он себе под нос.

Иво осуждающе посмотрел на меня, вздохнул, и вышел вслед за отцом. Я со слезами на глазах осталась собирать свои вещи. До ворот меня проводил Берни. Он даже не смотрел мне в глаза, когда отдавал сумку.

– Я этого не делала, Бернардо! Ты же знаешь! Я этого не делала!
Но ворота уже закрылись, а я осталась за ними.

* * *

Я вышла из такси. Глория, увидев меня, тут же подошла и без слов обняла.

– Милли! Что такое? Ты плакала?

– Да как тут не заплачешь?!

– Что случилось?

– Эта чокнутая семейка, на которую я работала, обвинила меня в воровстве. У одной старой карги был красивый медальон. Его кто-то украл или она сама его потеряла, но обвинили во всем меня!

– Как ты могла вынести такое?!

– А что я могла сделать?

– Не знаю... Ну, расцарапать им физиономии, например. Как ты могла позволить обвинить себя в воровстве?!

– Ты права, я должна была что-нибудь сделать... Но в тот момент меня будто парализовало. Было так больно! Я с трудом сдерживала себя, чтобы не расплакаться при них. Хотя все равно это не оправдание, знаю. Я не должна была им позволить так унижить себя!

Еще какое-то время мы просидели на крыльце, обнявшись.

Мы молчали, но я прекрасно знала, Глория понимает все без слов. Сейчас ей было так же тяжело, как и мне. Я не знала, что сказать Падре, как объяснить ему все это, хотя, вероятно, ему уже позвонила Луиса. Он будет жутко недоволен, а мне придется искать новую работу. В любом случае, в тот ужасный дом я точно не вернусь!

К нам вышла сестра Толстушка. Я не стала от нее ничего таить. Рассказала все, как было.

– Не переживай, милая. Ты можешь всегда рассчитывать на нашу поддержку. Отнеси свои вещи в комнату и приходи в столовую, хорошо?

– Спасибо, сестра Толстуш... ой прости, Каталина.

– Ничего, ты можешь называть меня Толстушкой, – улыбнулась она.

Я отправилась в свою старую комнату, чтобы оставить вещи.

Здесь абсолютно ничего не изменилось, но мне показалось, что изменилось все. Будто меня не было тут целую вечность. За это время мне успели хорошенько наплевать в душу...

Я направилась в церковь – единственное место, куда я могла прийти, когда на душе скребут кошки.

Я подошла к алтарю.

Я знаю, что мне веришь только ты...

Ты же знаешь, что я ничего не крада.

Но этого мало. Как заставить их поверить мне?

Ты видел, как со мной говорил этот кретин Иво? Слышал, что он сказал: «Ты сказала, что хочешь такой же медальон»? Этот парень – двуличная скотина.

Я ведь уже почти поверила, что нравлюсь ему...

Прости... Я знаю, тебе не нравится, когда я так говорю, но я ужасно зла на него.

Клянусь, попадись он мне сейчас, я бы...

– Милли!

– Ч-что? – от неожиданности подпрыгнула я.

– Пошли в столовую, там сестра Толстушка ждет тебя, – сказала Глория, стоя на входе в часовню.

– Иду-иду.

Когда мы входили в столовую, Глория попросила меня закрыть глаза и не подглядывать. Она помогла мне переступить через порог, чтобы я не споткнулась.

Открыв глаза, я увидела Падре, сестру Толстушку и мать-настоятельницу. Как только мы вошли – они стали петь песню «С днем Рождения, тебя!». На столе стоял торт со свечками. Я быстро посчитала их, восемнадцать. На глаза навернулись слезы.

– Загадай желание и задуй свечи, милая, – сказала Толстушка.

– Я скажу Вам свое первое желание. Я хочу, чтобы вы всегда были рядом, потому что вы – моя семья. А второе... – это найти отца, – но его я прошептала только на ушко Глории.

Я задула свечи и обняла каждого по очереди.

Мы с Глорией вышли во двор и побрели вдоль стадиона.

– Милли, как ты думаешь, ты найдешь своего отца?

– Конечно, найду. Я это чувствую. И когда я найду его – ему не поздоровится!

– Ты говоришь со злостью, Милли!

– А как иначе? По его вине умерла моя мама!

– А, может, он ничего не знал? Не знал, что она ждет ребенка, не знал, где она и что с ней?

– Это его не оправдывает! У него было восемнадцать лет, чтобы попытаться найти нас.

Найти меня!

Мы обошли стадион вокруг.

Краем глаза я заметила, как из кустов нас кто-то сфотографировал. Я повернулась и увидела на противоположной стороне поля того самого бродягу. Я поспешила к нему, но тот уже успел скрыться за деревьями.

– Ты видела, Глория?

– Видела, что?

Внимательностью Глория никогда не отличалась.

– Нас только что сфотографировал какой-то парень. И я, кажется, уже видела его.

– Парень?! Какой? Где он?

– Он был вон там.

Мы подошли к деревьям у конца стадиона и заглянули вглубь. Разумеется, там уже никого не было. – Не нравится мне это. Я уже ни раз замечаю, как за мной кто-то следит.

– Милли, мне страшно за тебя! А что если это тот Блондин, о котором ты мне рассказывала, подослал его следить за тобой?

– Ну, нет, у того мозгов на такое не хватит. Но это было бы весьма романтично, согласишься? Не переживай за меня, ты же знаешь, я могу за себя постоять!

* * *

Когда мы распевались на хоре, к нам зашла сестра Толстушка и сказала, что меня спрашивает какой-то сеньор.

Я поручила ребятам распеваться дальше, а сама пошла в библиотеку.

Интересно, кому это я понадобилась? Неужели сеньор Ди Карло приехал, чтобы извиниться??

Зайдя в комнату, по периметру которой стояли высокие стеллажи с книгами, я действительно увидела Ди Карло. Только младшего.

– Вы?! Что Вы здесь делаете?

Его-то я точно не ожидала здесь встретить.

– Я пришел, потому что... потому что хотел прийти. Что здесь странного?
– Действительно, что тут странного?! Не убедительно! Убирайтесь отсюда, пока я не выбила Вам зубы, – я снова вспомнила, сколько унижений мне принесла его семья, и невольно разозлилась.

– Я пришел, потому что соскучился!

– Что? У меня, кажется, что-то со слухом. Извините, я Вас не расслышала!

– Ты все расслышала, я сказал, что соскучился.

– По-Вашему это смешно, да? Знаете, Вы совсем не умеете шутить. Вы недавно назвали меня воровкой, а сейчас говорите, что соскучились?!

– Прошу тебя, Карлитос... я...

– Как меня зовут?

– Это не важно.

– Как это, не важно?! Это очень важно! Как Вы можете скучать по кому-то, не зная его имени?

В библиотеку заглянул Лукас.

– Милли, мы уже распелись. Падре Мануэль отправил меня за тобой.

– Лукас, скажи Падре, что я уже иду.

– Какая ты недоверчивая, Милли, – продолжил Блондин. – Я, правда, соскучился по тебе. Видишь, я знаю, как тебя зовут. Поверь мне, я пришел извиниться.

– Вора уже поймали?

– Это не важно!

– Нет, важно! Твоя семья выставила меня за дверь, назвав воровкой. Никто даже не стал разбираться в этом, искать настоящего вора. Вам было проще обвинить во всем меня. Потому что я сирота, потому что – новенькая. Поэтому, засунь свои сопливые заявления в ж... туда, откуда ты их достал. И проваливай!

– Поужинай со мной, – выкрикнул Блондин, когда я толкала его к выходу.

– Зачем мне с тобой ужинать? Для чего? – удивилась я.

Он подошел ко мне так близко, что я ощутила его неровное дыхание.

– Ты мне нравишься, Милли, – нежно произнес он. – Нравишься такой, какая ты есть. Мне нравится твой смех, твои губы, твои зеленые глаза. Не важно, что ты об этом думаешь. Важно то, что чувствую я. Но словами это не выразишь...

На последних словах он чуть было не поцеловал меня. Наученная опытом, я заранее отодвинулась на безопасное расстояние.

Блондин достал из-за спины букет белых роз и протянул его мне. Он так трогательно на меня смотрел, что я чуть не согласилась поужинать с ним.

– Скажи «Да». Ну, пожалуйста, – умоляюще протянул он.

Я была одновременно смущена и очарована. Цветы были очень красивые. Нежные белые бутоны источали невероятный аромат, который кружил голову, как и взгляд Иво. Вообще, мне до сих пор никто не дарил цветы, не считая, сорванной с поля, ромашки от Лукаса...

– Я обещаю подумать, а пока заberi свой веник и уходи! Ты и так отнял слишком много моего времени.

Я вышла из библиотеки, оставив Иво в легком шоке. Наверняка он не ждал такой реакции. Не думаю, что девушки часто ему отказывают...

В музыкальном классе был только Падре. Он сказал, что провел занятие сам и отпустил ребят играть в футбол.

– Почему они ушли без меня?

– Я пришел, чтобы посмотреть, как идет занятие.

Сестра Каталина сказала мне, что к тебе пришел какой-то сеньор. Тогда я отправил за тобой Лукаса. Вернувшись, он сказал, что ты болтаешь с длинноволосым парнем и скоро при-

дешь. Мы подождали тебя пару минут. Потом, чтобы не допустить балагана, мне пришлось закончить занятие. Кто приходил к тебе?

– Это был сын хозяина того дома, Иво.

– Что ему было нужно?

– Он пригласил меня на ужин. Но я не пойду.

Этот индюк не достоин моей компании. К тому же я его еще не простила. Еще он подарил мне цветы. Но я их не взяла и заставила его проваливать отсюда подобру-поздорову.

– Может, не надо было так сразу прогонять парня? Он ведь от чистого сердца...

– У него нет сердца.

– Дело твое, Чолито, – сдался Падре. – Ну что, идем играть в футбол? Нас там, наверное, уже все заждались.

– Спрашиваете! Конечно, идем!

Мы поспешили к полю. Игра уже началась.

Я искала глазами Глорию. Мне хотелось поскорее рассказать ей о случившемся.

Передавая Диего пас, я снова почувствовала на себе чей-то взгляд. Я повернулась и увидела того же самого парня в лохмотьях и старой шапке. Падре тоже заметил его и подошел ко мне.

– Зачем он снимает? Кто это? Ты его знаешь? – тревожно стал расспрашивать меня священник.

– Не знаю, он следит за мной. Вчера он снимал нас, когда мы с Глорией были здесь.

– Мне это не нравится. Будь осторожнее с ним. Не нужно подходить к нему! Ведь я тебя знаю, ты попытаешься разузнать все сама!

Я вернулась в игру, когда наша команда забила победный гол.

Игроки обеих команд пожали друг другу руки. Игра закончилась со счетом 10:7 в нашу пользу.

– Приходил Блондин, – перехватила я Глорию в другом конце поля.

– Что еще за Блондин?

– Ну, ты что, Глория! Память девичья?! Блондин – это сын хозяина дома, в котором я работала, – напомнила я. – Иво.

– А-а-а, Блондин! И чего он хотел?

– Он пригласил меня на свидание и подарил цветы.

– Ух, ты! И когда ты идешь?

– Я не иду.

– Почему? Ты ведь говорила, что он тебе нравится. Тогда почему не пойдешь с ним? Я думаю, что ты тоже ему нравишься, раз он пришел сюда и подарил цветы.

– Потому что он козел!

– Не понимаю тебя, Милли.

– Да я и сама себя не понимаю. Часть меня уже почти согласилась на ужин. Но! Есть и другая часть меня, которая все еще злится на него за те слова.

– Ну, тогда правильно! Пусть побегаёт теперь за тобой! – подытожила Глория. – Пойдем в столовую, перекусим чего-нибудь, я умираю от голода.

В столовой мы застали Толстушку, которая тайком, чтобы ее никто не увидел, ела шоколадку.

Мы решили ее разыграть.

– Ага! Попалась, Толстушка! – закричали мы, забегаая в столовую, будто поймали ее на месте преступления с поличным.

– Девочки! Как вы напугали меня! Нельзя же так врывать... – чуть не подавилась монахиня.

– Прости, Толстушка. Просто помнится, ты говорила, что снова садишься на диету, и мы не могли упустить такую возможность и не подшутить над тобой.

– Ладно, озорницы! Садитесь за стол, сейчас я налью вам суп. Вы, наверняка, проголодались после игры.

– Очень, – ответила ей Глория. Мы очень голодные!

Я решила еще немного подшутить над сестрой Толстушкой. Уж очень она была забавная, когда злилась или пугалась, или просто удивлялась чему-то.

Сестра Толстушка – очень добрый и отзывчивый человек. Она всегда покрывает наши с Глорией выходки. Она единственная, кто знает о том, что мы бегаем на дискотеку, но при этом не выдает нас.

Нетрудно догадаться, почему мы прозвали ее Толстушкой. Из-за крупного телосложения и страстной любви к еде.

Прозвище это не злое, а шуточное. По-настоящему сестру Толстушку зовут Каталина.

– Сестра Толстушка, – продолжила я. – У меня есть к тебе очень важный разговор!

– Я слушаю тебя, Милли, – насторожилась та.

– Я решила стать монахиней, – протороторила я, набив рот хлебом.

– Что? Что ты решила?!

От удивления Толстушка чуть не пролила на Глорию суп, который как раз ставила на стол.

– Милли, ты еще очень юна! Прошу тебя, подумай, действительно ли ты хочешь посвятить всю свою жизнь служению Господу. Обратного пути не будет!

Глория не могла больше сдерживаться и в голос засмеялась. Я тоже расхохоталась вместе с ней, заплевав весь стол хлебными крошками.

– Ну, ты даешь, Толстушка! Тебя так легко разыграть! Видела бы ты свое лицо! Я пошутила, расслабься!

– Милли! Испорченная ты девчонка, разве можно шутить над этим! Ты чуть не довела меня до инфаркта!

Обиженная сестра Каталина вышла из столовой и еще долго бормотала себе что-то под нос. Уж не знаю, что она там говорила. Но это явно были не комплименты в мой адрес...

– Зачем ты так с ней? Она же со всей душой к нам, – заговорила Глория, придя в себя от смеха.

– Да, брось ты! Я ведь просто пошутила. Чем сегодня займемся? Может, сходим на танцы

– А, пошли! Давно не были!

* * *

Когда все легли спать, мы с Глорией, как всегда, вылезли в окно и отправились на танцы. Скорее всего, меня уже так сильно не контролировала мать-настоятельница, но для Глории я не хотела проблем.

На мне была все та же короткая красная юбка и белый лаковый корсет.

Не успели мы подойти к клубу, как мое настроение уже было испорчено. На улице стояли Иво и его друг Бобби. Я хотела проскользнуть незамеченной, но было поздно:

Иво уже направился ко мне. Я попросила Глорию не ждать и пойти внутрь.

– Ты такая красивая, – сказал Иво, подходя ближе – Больше, чем красивая. Мне нужно сказать тебе что-то важное. Знаешь, я не могу выбросить тебя из головы. С самого первого дня, когда я увидел тебя здесь, а потом в комнате бабушки, я думаю о тебе постоянно.

– Да ладно тебе, перестань! Не люблю я такие разговоры.

– Нет, серьезно. Ты думаешь, что я такой наглый и самоуверенный. Но на самом деле я очень застенчивый. Ты подумала над моим предложением? Ты поужинаешь со мной? Только

ты и я, вдвоем. Ты нравишься мне такой, какая ты есть. Твой смех, твой взгляд, твои губы, они сводят меня с ума.

- Я подумаю, Иво, – хриплым голосом ответила я. – Я дам тебе ответ, а пока оставь меня.
- Куколка! – услышала я за спиной.
- Лина! Я так рада тебя видеть! Как же я соскучилась!
- Я тоже, милая, пойдем танцевать. С кем ты здесь?
- С Глорией. Глория, иди сюда, я тебя познакомлю кое с кем!
- Это тебе за то, что ты такой козел! Ты вдохновил меня!
- С кем ты хочешь меня познакомить? – настороженно спросила подруга.
- Это Лина. Бабочка. Я рассказывала тебе про нее. Лина- это Глория. Тебе я тоже рассказывала про нее. Девочки, как же я рада, что мы здесь все вместе. Пойдемте скорей танцевать! Лина и Глория пожали руки, испепеляя друг друга взглядом.

* * *

Солнышко сильно припекало через окно, хотя было уже начало декабря.

Я проснулась в хорошем настроении и разбудила Глорию. Умывшись и выпив чаю, мы стали собираться на нашу новую работу.

В комнату вошла мать-настоятельница.

Мы подумали, что она просто зашла пожелать нам удачи, но она пришла сказать, что внизу меня ждет какая-то дама.

Я выглянула в окно и увидела Донью.

Я была удивлена ее приезду.

Помнится, она не выходит из своей комнаты...

Я попросила Глорию подождать, пока я поговорю со старухой, и спустилась на улицу.

Анхелика заговорила первая. Это и хорошо, так как я все равно понятия не имела, с чего начать.

– Я приехала сюда для того, чтобы...

– Что, Донья? Говорите громче, я Вас совсем не слышу. Что Вы там бубните себе под нос?

– Милли, у тебя что, вода в ушах? Я приехала сюда для того, чтобы... В общем, собирай вещи, ты едешь со мной!

Я хотела обнять ее и сказать, что очень рада ее видеть, но решила оставить это на потом.

– Послушайте, мадам, что я Вам скажу. Я никуда с Вами не поеду, мне и здесь хорошо! – Я демонстративно повернулась к ней спиной. Пусть уговаривает меня, если ей так нужно.

– Не понимаю, ты и в самом деле не хочешь возвращаться?

– Вот именно! – я снова развернулась к Донье. – Я никогда больше не вернусь в Ваш дом!

По крайней мере, до тех пор, пока Вы не извинитесь.

– Ну да, конечно. Ты права. А теперь поехали!

– Я не слышу...

– Прости меня.

– Что, Донья? Я не слышу...

– Прости меня, Милагрос, – громче сказала Анхелика.

В этот момент она была такой трогательной, такой ранимой и незащищенной, что я не стала больше ее мучать. Видно было, что она действительно сожалеет о том, что произошло. Я приобняла ее за плечи и повела в монастырь.

– Мне нужно сказать Глории, чтобы та шла на нашу НОВУЮ работу одна. Потом я должна еще собрать вещи... – я специально сделала акцент на слове «новую», пусть думает, что я и без них хорошо живу.

– Новую работу?! Ты что, уже нашла новую работу?!

– Конечно! А Вы думали, что я буду сидеть и ждать, пока Вы приедете за мной? Нет уж! К нам навстречу вышла мать-настоятельница. Поприветствовав сеньору Анхелику, она пригласила ее выпить с ней чаю в своем кабинете, а я пошла в комнату – собирать вещи, испытывая сильный приступ дежавю.

– Кто это был? – спросила Глория, как только я переступила порог.

– Это Донья. Та самая несносная старуха, на которую я работала.

– А что ей здесь нужно?

– Она приехала извиниться. Зовет меня обратно на работу. Поэтому, Глория, тебе придется пока одной поработать в магазине. По крайней мере, до тех пор, пока меня снова не уволят.

– Ты, что, вернешься к ним?

– А что мне остается, Глория? Мне нужны деньги, чтобы нанять детектива, а в магазине одежды нам платят товаром, а не деньгами.

– Ну вот, – обиженно сказала подруга. – Опять ты уезжаешь!

Я обняла ее. Мне не хотелось прощаться, но так было нужно.

– Дубль два, – подумала я и отдала свою сумку водителю. – Привет, Рокки.

– С возвращением, – подмигнул он.

– Спасибо, – ответила я и села на заднее сиденье рядом с Доньей

– Ну, рассказывайте, Донья, что нового? Нашли вора?

Донья рассказала мне, что это Дамиан подговорил Марту украсть медальон.

Они не знали, куда его спрятать. Единственное, что пришло в голову – убрать ко мне под матрас. Считаю, что там точно никто искать не станет... Хороша парочка! Ничего не скажешь! Марта сама пришла к ней и призналась. Поэтому Анхелика не стала поднимать нового шума и даже не уволила Марту, ведь та сама бы до такого не додумалась.

– А зачем они это сделали, Донья?

– У Дамиана, по словам Марты, какие-то финансовые трудности... Таким способом, он решил, что уладит часть своих проблем.

– Вот червяк!

– Милли?!

– Что – Милли?! Они поступили ужасно, а им это сошло с рук. Не справедливо это.

– Хоть я с тобой и согласна, червяк он еще тот, но его уже судьба наказала. Нет ничего хуже ненависти собственного сына!

Когда железные ворота открылись – я вдруг осознала, как страшно мне снова возвращаться в этот дом. Здесь меня до сих пор считают воровкой, ведь Донья никому не рассказала, кто настоящий вор.

В гостиной мы наткнулись на Луису.

– Что здесь делает эта воровка? – спросила она у Анхе лики, сверля меня взглядом.

Что это был за взгляд! Было ощущение, что сейчас вот-вот полетят молнии! Я ожидала такого приема, поэтому молчала в тряпочку, как меня и просила Донья.

– Успокойся, Луиса, – вступилась за меня Донья. – Она ничего не украла.

– Дорогая, иди и распакуй свои вещи, – обратилась Анхелика ко мне и снова повернулась к Луисе. – Это мой дом, и я могу приводить в него кого захочу. И не заставляй меня говорить тебе, кто настоящий вор. Тебе это не понравится!

Я поднялась на второй этаж и прислонилась к двери комнаты, чтобы понять, есть кто-нибудь внутри или нет.

Я услышала, как Лина напевает песенку. Резко ворвавшись в комнату, я громко закричала:

– Та-а-а-да-а-м!

Лина сидела на кровати, расчесывая свои длинные медные волосы. От неожиданности она выронила расческу из рук. Я не помню ее без нее, кажется, что она даже спит с расческой в руках.

– Милли! – закричала она. – Я так счастлива, что ты вернулась! Я очень скучала по тебе!

– Я тоже рада тебя видеть, Бабочка! Слушай! Давай я покажу, как мы с моей подружкой Глорией приветствуем друг друга?

– Давай.

– Вот смотри... плюешь на ладонь, плюй! Пожимаешь мне руку, и... вытираешь об штаны! Вот так!

Лина была явно не в восторге от такого приветствия. Она скорчила недовольную физиономию еще на первом этапе. Однако потом все же подчинилась и проделала все до конца.

– Это безумно... негигиенично...

– Да, ладно тебе! Так мы скрепляем свою связь с Глорией, а еще это забавно!

Я разобрала вещи, переоделась и пошла на кухню, поздороваться с остальными.

– Милли, ты вернулась! – обняла меня Сакорро, как только я вошла.

Бернардо стоял в стороне и наблюдал за нами. Я не ждала от него пламенных речей. Бернардо был скуп на эмоции, поэтому я обняла его сама.

– Я так рада видеть тебя, Бернардо.

– Сеньор Бернардо, – буркнул он и вышел из кухни.

– Да-да, сеньор Бернардо! Ну, и зануда ты! – крикнула я ему вслед.

За столом сидела Марта. Увидев меня, она стала язвить.

– Ну, что? Вернули тебя обратно, дворняжка?

– Замолчи сейчас же! После того, что ты сделала, я могу тебе прямо сейчас выцарапать глаза. И этого еще мало будет!

– Что ты такого сделала, Марта? – спросила у дочери Сакорро.

– Ничего, мама, – Марта посмотрела на меня своим ядовитым взглядом, как совести еще хватило, и вышла из кухни.

– Пойду из этого балагана!

* * *

Перед сном мы с Линой долго болтали. Она рассказывала мне о Бобби и о сплетнях, которые ходили в доме. Я же рассказала ей про то, как в монастырь приходил Иво.

– Итак, старая ведьма, узнала, кто вор?

– Не называй ее так. Да, Донья знает, кто вор, но просила никому пока не говорить.

– Ну, мне-то ты можешь сказать? Я же никому не скажу.

– Извини, Бабочка, но нет! Я знаю, что хранить секреты ты не умеешь...

* * *

Всю первую половину дня я караулила Блондина. Мне так хотелось увидеть его, а еще больше, увидеть его реакцию. Он еще не знает, что я вернулась в дом.

Я, как параноик, оглядывалась каждые пять минут в надежде, что он вот-вот появится.

После утреннего чая для Доньи, я вызвалась помочь Лине в уборке на втором этаже.

Наконец, моя цель появилась на горизонте!

Демонстративно я смеялась, якобы над шуткой Лины, как только Иво подошел совсем близко.

– Ты вернулась, – не скрывая радости сказал он.

– Как видишь, – ровно ответила я, пытаюсь дышать как можно тише.

– Лина, тебя, кажется зовут на кухне.
– Милли, но...
– Да, я тоже слышал, иди Лина.
– Да, сеньор, Иво, – озираясь на нас ответила Лина, направляясь к выходу.
– Скажу тебе еще раз, Блондин. Ты настоящий червяк! Хуже тебя я никого не знаю. Ты думаешь, что я дура? Думаешь, я поведусь на твою речь, которую ты заранее подготовил тогда в монастыре?

– Что я такого сказал? Я пригласил тебя на ужин.
– Да, но не сказал, что у тебя уже есть девушка.
– Откуда...? Неважно.
– Милли, ты нравишься мне, очень. Это правда.
Я развернулась и хотела уйти, но он схватил меня за руку и притянул к себе.
– Еще раз схватишь меня – и я крикну!
– Хватать не буду! Но послушай.

Он притянул меня к себе так близко, что я растерялась. Иво страстно поцеловал меня в губы. Я ответила на поцелуй. Я наслаждалась его страстными объятиями и прикосновениями. Земля ушла из-под ног. Казалось, что время вокруг остановилось, что есть только мы, здесь и сейчас. Он обнимал меня за талию, зарывался руками в волосы. У меня стали подкашиваться ноги. Его губы были такими мягкими, такими родными. Я не хотела, чтобы это когда-нибудь закончилось...

Иво поцеловал меня напоследок нежно и взял за руку.
Я вырвала свою руку и еле перевела дух.
– Почему ты злишься? – спросил он.
– Почему?! Ну и нахал! Ты еще спрашиваешь? Ты поцеловал меня!
– Тебе понравилось!
– Вовсе нет. Это было противно!
– Я тебя не держал.
– Я просто не сразу среагировала. Со мной такое бывает, когда я вижу таракана.
– Тебе понравилось, – с ухмылкой продолжал Иво.

* * *

Сегодня мы с Линой решили заработать немного денег для монастыря.
Сделав свои дела по дому и получив разрешение от пингвина на отдых, мы взяли сумку с открытками и вышли на центральную улицу города.

Чтобы сделать работу эффективной, мы разделились. Лина пошла по одной стороне дороги, а я – по другой. В конце улицы мы договорились встретиться и подсчитать выручку.

– Не густо. Но это лучше, чем ничего. Сколько открыток мы продали? – спросила я, когда мы встретились в установленном месте.

– Всего пятнадцать, – сказала Лина, пересчитав оставшиеся открытки.
– Давай еще пройдемся немного и будем возвращаться, – предложила я.
– Только пойдем вместе, а то мне одной страшно.

На светофоре я отвлеклась на аварию, которую создали мотоциклист с автомобилем.

Когда загорелся зеленый и мы уже собирались перейти дорогу, у Лины выхватил кошелек какой-то парень и, чуть не сбив нас с ног, побежал через дорогу. Мы ринулись за ним.

– Стой! А ну, верни мои деньги, нахал! – кричала ему вслед Лина.

Пока мы перебежали дорогу, стараясь не врезаться в других людей, парень уже скрылся во дворах.

Лина стала причитать, что это она во всем виновата...

Я увидела знакомый силуэт, который показался из того самого двора, в который только что забежал наш вор.

Приглядевшись, я узнала того самого бродягу, который меня преследует уже почти два месяца.

Давненько не виделись. Сегодня он не скрывался в кустах. Бродяга шел в нашу сторону, и это насторожило меня.

– Кажется, это ваше? – спросил он, подходя к нам. – Прошу вас, не бойтесь, – он сделал шаг вперед и протянул кошелек.

– Как ты можешь говорить: «не бойтесь», когда сам преследуешь меня, фотографируешь и появляешься везде, где бы я ни была?!

– Пойми меня правильно, я не преследую тебя. Мне просто нравится фотографировать. Ты такая красивая...

– Спасибо за кошелек, – сказала Лина и выхватила его из рук. – Все на месте, – сказала она, проверив деньги.

– Так, как тебе удалось забрать наш кошелек? – спросила я у него.

– Пошли, Милли, мне не нравится этот тип, – вмешалась Лина и стала тянуть меня в сторону.

– Лина, ты пройдишь пока по левому ряду с открытками, я скоро тебя догоню. Мне нужно поговорить с ним. Не волнуйся за меня.

Лина неохотно пошла вдоль машин, предлагая открытки и время от времени, поворачивалась в нашу сторону.

– Я был здесь, недалеко... – продолжил незнакомец.

– Снова преследовал меня?

– Я был недалеко и увидел, что ты с подружкой идешь к светофору. Я спрятался, чтобы полюбоваться тобой издали. Потом я заметил, как какой-то парень выхватил кошелек у твоей подружки. Я неплохо бегаю. Мне не составило труда его поймать. И к тому же он сам забежал в этот двор. Так тебя зовут Милли?

– Милагрос. Но в монастыре, где я жила, меня звали Чолито. Это Падре Мануэль придумал. А тебя как зовут?

– А ты угадай!

– Я ведь не гадалка, как я могу угадать твое имя?!

– А ты посмотри на меня. Вдруг ты угадаешь, как меня зовут. Говорят, что имена подходят их владельцам. Как думаешь, какое имя подходит мне?

Заинтриговал! Я пристально посмотрела в его каре-зеленые глаза. На ум ничего не приходило. Обычный бродяга. Его имя могло быть любым, если оно у него вообще было.

– Ну что, есть догадки? – спросил он.

– Нет. Но я увидела в твоих глазах кое-что более важное, чем имя.

– И что же?

– Доброту. Так, ты скажешь мне свое имя?

– Когда-нибудь ты узнаешь его. Я рад нашему знакомству, Милагрос, но мне пора идти. Спасибо, что не убежала от меня. Мне приятно, что оказался полезен. Увидимся.

Бродяга ушел в тот же двор, откуда и вышел. На нем был рваный светло-коричневый плащ, рваные перчатки и не менее рваные сапоги. Лицо было грязным и бородатым, хотя мне показалось, что борода какая-то ненастоящая, словно наклеена... Но его глаза... Он заинтересовал меня. От него исходило добро. Мне стало интересно, что случилось с его жизнью и зачем он, все-таки, фотографирует меня. Надеюсь, что он не маньяк-убийца, а просто помешался на красоте, как он сказал.

– И что это значит, Милли? – недовольно спросила Лина, подходя ко мне. – Как ты думаешь, как я себя чувствовала все это время? Да, я себе все ногти искусала! Отправила меня, а сама осталась с этим маньяком!

– Ну ладно тебе! Успокойся. Мне хотелось поговорить с ним. И никакой он не маньяк. Если не обращать внимания на его лохмотья и бороду, то он совсем даже ничего. Он вполне интеллигентный и милый. Я, думаю, он – бывший миллионер, который проиграл все свое состояние и теперь скитается. Тебе удалось продать еще открыток?

– Да, продала все.

– Ух, ты! Вот это да, Лина! Ты прирожденный предприниматель! Завтра отвезу деньги в монастырь. Спасибо тебе, подруга!

– Не за что! Но не заговаривай мне зубы. Все равно этот тип очень опасен, ведь он преследует тебя.

– Ты права. Я разберусь с этим.

– Будь осторожнее.

– Пойдем, купим по пирожному, мы на него заработали сегодня!

Лина немного смягчилась при мысли о пирожном, и мы пошли по широкой улице в сторону небольшой кондитерской, что была недалеко от особняка Ди Карло.

Взяв каждая по одному пирожному со взбитыми сливками, мы съели их по дороге к дому.

Когда мы вошли во двор особняка, я увидела Иво, который, по всей видимости, собрался куда-то уезжать.

Мне не хотелось говорить с ним, и, взяв Лину под руку, я ускорила шаг, и когда я уже была одной ногой на пороге, Иво окликнул меня.

– Милагрос, задержись на минуту, мне нужно поговорить с тобой, – сказал он, выходя из машины.

– Я не могу, меня ждет Ваша бабушка.

– Пять минут ее не убьет. Дай мне пять минут, Милагрос.

– Зря Вы так, в ее – то возрасте, пять минут очень много...

– Милли, почему ты избегаешь меня? Все из-за того поцелуя?

– Нет. Это здесь совсем не причем.

– А что тогда?

– Ты и сам знаешь. Я не буду запасным колесом.

– Но, у нас с ней все несерьезно! – начал он оправдываться мне в спину.

– Вот именно, Блондин. В том-то все и дело. У тебя с каждой – несерьезно.

* * *

Я отнесла Донье чай.

Там как раз был наш дворецкий, который уговаривал ее прогуляться. Но Донья – очень упрямая женщина, она и слушать его не стала. Она говорит, что ее больше не интересует то, что происходит за дверью этой комнаты.

Но мне кажется, что это не так, ведь она приехала за мной в монастырь, а это значит, что у меня есть все шансы, чтобы выгнать ее на улицу. Надо только придумать, как.

Иногда я думала, а что, если я не случайно попала в этот дом, что, если я могу чем-то помочь этим людям. На все воля Божья. Возможно, это испытание для меня.

– Разве ты не видишь, что нравишься ему? – перехватила меня Лина, когда я вышла от Анхе лики. – Не будь такой глупой. Если бы ему было наплевать на тебя, то он не стал бы постоянно преследовать тебя.

– Может, ты и права.

– Не «может», а так оно и есть. И я вижу, что тебе он тоже не безразличен. Или ты и это будешь отрицать?

Отрицать это я не стала, мне на самом деле нравится Блондин. Я никогда раньше не испытывала таких чувств. За мной ухаживали ребята из монастыря, но это все было не серьезно, мы росли вместе и были одной семьей, я относилась к каждому из них, как к младшему брату.

А Иво был другим... Да, он был заносчив и самовлюблен. Он избалован жизнью и по нему это видно. Он мог бы добиться любой девушки в мире, если бы захотел. А кто я? Я обычная служанка, которая работает у них. Нашим жизням не суждено пересечься.

И лучше бы мне выбросить его из головы, потому что добром это не кончится, я чувствую.

Я не хочу, чтобы мне разбили сердце.

Но Глория всегда говорит мне, что лучше попробовать и пожалеть, чем не попробовать и потом жалеть об этом еще больше. Может мне стоит признаться ему в своих чувствах?

– Так, что ты скажешь, Милли? – перебила мои мысли Лина.

– Что тут скажешь, ты права, мне действительно он нравится.

– Когда ты станешь с ним встречаться, познакомишь меня с его другом? – с огоньком в глазах быстро среагировала Лина.

– Не торопи события, Бабочка. Какие у нас с тобой сегодня планы?

– Да, наверное, никакие. Сегодня так жарко, что я бы лучше приняла ледяную ванну и спряталась от этого солнца в комнате.

– У меня есть идея получше. Что, если нам поплавать в бассейне?

– Милли, ты шутишь?! Если хозяева увидят нас, то всех сразу же уволят.

– Ну, а если не увидят...

– Не говори так, Милли. Я изучила уже это выражение лица, оно ни к чему хорошему не приводит.

– Не будь такой занудой, Лина. Хозяев нет дома, и вернуться они поздно, я слышала, что вечером у них какой-то светский прием, дома они ужинать не будут.

– А сеньора Анхелика?

– За нее не переживай. Она ни за что не выйдет из своей комнаты, даже если начнется пожар. Наша единственная проблема – это Берни. Но его я беру на себя, так что за это тоже не переживай.

– Ты с ума сошла! – закатила она глаза в духе «будь, что будет».

– Ты иди пока собери всех, пусть переоденутся и ждите меня на заднем дворе. А я разберусь с дворецким. Кстати, где он?

– Он в гостиной. Проверяет мою работу своими глазами-микроскопами.

* * *

Было начало шестого, в доме, кроме прислуги и сеньоры Анхелики, никого не было. Хозяин дома был у себя на фирме, вместе с сынком, а Луиса, наверняка, уехала на очередную консультацию к психологу.

За то время, что я работаю здесь, мне выпала честь повидать много семейных драм. Все стандартно. Он старый, она старая. Чувств нет. Скорее всего, он даже завел себе молодую любовницу. Луиса страдает от недостатка внимания. Однажды, я увидела, как дворецкий тащил ее в стельку пьяную в комнату. Мне ее жаль немного. Но она сама погубила их брак.

По словам Марты, Луиса выпивала в одиночестве. Когда Федерико узнал об этом – он записал ее к психологу. И это, кажется, даже помогает. Она регулярно ходит на прием. И или этот врач шарлатан, или у них роман.

Я знала, что даже не стоит пытаться уговаривать Бернардо, чтобы он разрешил нам искупаться, так как он на двести процентов отказал бы мне.

Берни – преданный дворецкий, работник с большой буквы. Говорят, что за все двадцать лет, что он здесь работает, он ни разу не брал выходных. Не странно ли?

Я прошла мимо него, когда он проводил свою инспекцию полок над камином, в такие моменты хоть на танке проезжай – он не заметит.

Я посмотрела на часы, которые висели в гостиной. Половина шестого.

Кажется, в это время Донья отдыхает после приема таблеток, которые ей недавно назначил доктор.

У меня был план, как нейтрализовать дворецкого, не очень честный, но на войне все средства хороши.

Я аккуратно зашла в комнату к Донье, старушка мило посапывала в своей кровати под классическую музыку. Бах это или Моцарт, я не разбиралась.

Я тихонечко открыла верхний шкафчик прикроватной тумбы и достала снотворное. Уж если оно ей помогает уснуть, то Берни точно будет спать, как убитый.

Знал бы он, что его ждет – убил бы меня сразу. Но выхода не было. Сам виноват.

Я высыпала половину упаковки в карман, убрала таблетки обратно и вышла из комнаты. Теперь нужно было как-то заставить дворецкого их выпить.

Приготовив на кухне лимонад, я растворила в нем снотворное и предложила дворецкому освежиться. На мое удивление, он даже не стал сопротивляться. Жара победила всех.

– Это очень мило и, кстати, с твоей стороны. Жаркий выдался денек, – сказал он, когда я принесла лимонад.

– Всегда, пожалуйста. Передохнуть бы тебе, Бернардо, работаешь без выходных, устал, наверное.

– Если я перестану следить за вами – то дом превратится в хаос, – с этими словами он оперся о спинку дивана. Таблетки были очень сильными и подействовали быстро.

– Что-то мне, правда, нехорошо.

Я помогла ему присесть. Только усевшись, Бернардо сразу плюхнулся на бок и захрапел.

Сквозь смех, я подняла его ноги с пола, чтобы он лег всем телом, и пошла за дом, где меня уже ждали Лина, Сакорро, Рамон и Марта в купальных костюмах.

– Бассейн наш! – закричала я им. И они, будто услышав команду «на старт», рванули в воду.

Я расположилась на шезлонге возле бассейна с чистой голубой водой. Солнышко сегодня сильно припекало и уже через десять минут, я почувствовала, как заципало плечи. Погрузившись в свои мысли, я выставила свое лицо солнечным лучам. Я думала об Иво. О том, что делать дальше. О том, как признаться ему в своих чувствах. И стоит ли это делать. О том, что будет, если он откажет мне или просто посмеется.

– Милли, иди к нам, вода такая чудесная, – звала меня Лина.

Компания всю плескалась в хозяйском бассейне и была очень этому рада. Но желания поддерживать их веселье у меня не было.

– Нет, Лина, я не хочу. Мне, знаешь, и тут неплохо.

Видимо, не поверив мне или просто решив составить компанию, Лина вышла из воды и присела на, рядом стоящий, шезлонг.

– Как тебе удалось уговорить Берни? – восторженно спросила подруга. – Ты просто волшебница!

– Лина, я не уговаривала его. Все мы знаем, что дворецкий бы ни за что не согласился на нашу идею, поэтому я выкрала снотворное у Доньи и подсыпала его в стакан с лимонадом, которым его и угостила.

– Что ты сделала?! Ты в своем уме?! Нам нужно срочно сматывать удочки. Ты хоть понимаешь, что ты наделала? Когда он проснется, а он, надеюсь, проснется, то сразу все поймет! И уж поверь, нам не поздоровится!

– Успокойся ты! Когда он проснется – мы уже будем заниматься своими делами, будто ничего не произошло. Бернардо подумает, что просто заснул. Ты же сама говорила, что бедняга работает без выходных.

– Ой, не нравится мне это, Милли. Смотри-ка, куда это наша Марта пошла, неужели накупалась? – спросила Лина, указывая пальцем на, быстро уходящую от бассейна, Марту.

– Да кто ее знает, пусть идет.

Мы продолжили греться на солнышке.

– Лина, расскажи мне о Бобби, он ведь тебе нравится, да?

– Он такой милый, – расплылась в улыбке Лина.

– Объясните-ка мне, что здесь происходит, – послышался за спиной голос хозяйской дочери.

Я повернула голову и увидела стоящих за нами Викторию и змеюку Марту, которая ехидно улыбалась.

– Видите, сеньорита, они считают себя хозяйками дома, пока никого нет.

– Спасибо, Марта, можешь идти. Дальше я сама разберусь с ними.

Эта гадюка Марта увидела, как к дому подъехала Виктория и покинула бассейн раньше, чем нас застучали. Хитро. Даже переодеться успела. Как можно быть такой?! Еще десять минут назад она сама с радостью плавала вместе с нами, а сейчас подставила всех, даже родную мать.

– Сейчас же выходите из бассейна! – кричала блондинка. – Я жду вас всех в доме для продолжения разговора. – Сверкнув своими серыми злыми глазами, Виктория ушла в дом.

Мы переглянулись и молча пошли в дом через заднюю дверь. Никто не знал, чем закончится этот разговор, но морально мы уже были готовы к худшему.

В гостиной Виктория кричала на Бернардо за то, что тот уснул во время рабочего дня и не уследил за произволом, который устроила прислуга.

Она приказала Берни идти и собирать свои вещи.

Вот любят они драматизировать... Чуть что – сразу «ты уволен!».

Я не стала молчать и вмешалась в их разговор. Точнее, это был монолог: дворецкий ничего не понимал и не мог выговорить ни слова.

Бернардо был не виноват, а, значит, и отвечать за все это он не должен.

– Не прогоняйте его, пожалуйста, – обратилась я к Виктории. – Это моя вина. Бернардо не уснул. Это я усыпила его. Я подсыпала ему снотворное Вашей бабушки.

– Что?! – удивился дворецкий, – Но зачем, Милли?

– Я знала, что ты не разрешишь нам ни под каким предлогом искупаться, поэтому я пошла на крайние меры, – виновато объяснила я ему.

– Хорошо. Бернардо остается, уйдешь ты, – сказала мне Виктория, указав пальцем на дверь.

– Справедливо, – проговорила я себе под нос.

В это время в дверь вошли Луиса, хозяин дома и их сынок – Иво.

– Что здесь происходит, милая? – спросила Луиса у дочери, увидев сборище в гостиной.

– Мама, эта прислуга совсем обнаглела. Пока нас не было дома, эта... – Виктория указала на меня пальцем. – Устроила пикник у нашего бассейна.

– Какой ужас! Федерико, ты слышал это? – обратилась Луиса к мужу. – Срочно уволь эту дикарку, а бассейн нужно намыть и сменить воду. Кто знает, чем они болеют...

– Минуточку, сеньора. Милли не одна виновата, я помогала ей, – сказала Лина, стоя в проходе между гостиной и коридором на кухню. Вслед за ней подтянулись и остальные.

В гостиную вышли все. Абсолютно вся прислуга. Они признались в том, что тоже придумали этот план, и что если они выгоняют меня, то они уходят следом.

Теперь это было похоже на бунт.

– Решено, вы все уволены, – наконец, сказала Виктория и уже собралась уходить с победным видом, как в разговор вмешался ее шофер Рокки, который сообщил, что тоже причастен к этому мероприятию и поэтому специально возил ее сегодня длинными дорогами. Хотя мы все понимаем, что делал он это по другим причинам.

– Прекратите этот цирк! – не выдержал Федерико. – Мне надоело слушать этот балаган! Займитесь своими делами. Сегодня никто не уволен. Но я не потерплю, чтобы это повторилось еще раз! Надеюсь, вы меня поняли. – С этими словами хозяин дома велел всем разойтись, и они с супругой вышли из гостиной.

На кухне уже собрались все участники сегодняшнего дня.

Когда я зашла – никто не смотрел на меня осуждающе, хотя я думала, что будут.

Ведь это из-за меня нас сегодня чуть не выставили за дверь. Всех.

Я присоединилась к ужину и влилась в разговор. Сейчас все это нам казалось смешным.

Это напомнило мне то, как мы собирались в монастыре за длинным столом, большой нашей семьей.

Я тоскую по тем временам, по Глории, по Падре Мануэлю и сестре Толстушке. Нужно проведать их как можно скорее!

Когда на кухню зашла Марта – разговоры тут же прекратились. Воцарилась тяжелая тишина. Все смотрели на Марту осуждающе. Каким надо быть человеком, чтобы поступить так. Ведь ее мать могли тоже уволить!

Поняв, что ей здесь не рады, Марта взяла из корзинки с фруктами яблоко и, фыркнув что-то себе под нос, ушла.

– Зачем Марта поступила так? – спросила Лина у Сакорро, когда ее дочь вышла из кухни.

– Да, кто ее знает, – ответил за нее садовник. – Марту сложно понять. Иногда она бывает нормальной, но при первой же возможности готова продать кого угодно, даже собственную душу, не говоря уже о матери.

Возможно, так она хочет выразить свое превосходство. А, возможно, хочет, чтобы хозяева выделяли ее среди остальной прислуги.

Хоть это и низко... Но Марта – та еще стерва, которая пойдет по головам, чтобы добиться своей цели. Даже родная мать не знает, чего от нее ожидать, не говоря уже о нас.

Я допила стакан молока и пошла к Донье, чтобы отнести ужин. Перед тем, как войти, я постучала. Этот урок я усвоила. Сердить старушку лишний раз не хотелось.

– Тук-тук, Донья. Проголодались? – спросила я, просунув голову в дверь.

– Неужели ты постучалась?! – удивилась Анхелика. – Входи, Милли. Поставь поднос на столик. Я слышала, ты сегодня устроила настоящий переворот. Если бы это так сильно не разозлило Луису, то я бы тебя отругала.

– Бросьте, Донья! Ничего такого я не сделала. Просто организовала вашей прислуге небольшой перерыв. Вы бы знали, какая сегодня жара на улице, если бы хоть иногда выходили из дома.

– До чего же ты озорная, – рассмеялась Донья. – Никто в доме не позволял себе такого до твоего появления!

– Донья, неужели Вы улыбаетесь! Это нужно отметить!!!

– Так! – приняла серьезный вид Анхелика. – Ты этого не видела, но, если честно, я рада, что ты появилась здесь, ты снова оживила этот дом.

– Я хотела спросить у Вас кое-что.

– Ну, спрашивай, – заинтересованно ответила Анхелика.

– Скажите мне, Донья. Бывает в обычной жизни так, что служанка, как в сериале, влюбляется в хозяина, ну или его сына?

– Я тебе уже рассказывала о своем внуке. Его мать была служанкой в нашем доме. Бедная девушка... Она влюбилась в сына хозяина до беспамятства. Хотя они и были счастливы какое-то время, но все это прекратил отец возлюбленного. Сын хозяина был трусом и женился на той, что приказал ему отец. Росарио пришлось уйти и дома, чтобы не видеть всего этого, ведь ничего сделать она не могла. Даже то, что она носила под сердцем ребенка, не смягчило каменное сердце хозяина, – Анхелика опустила глаза, чтобы я не видела ее слез.

– Простите, Донья. Вы расстроились по моей вине, зря я затеяла этот разговор. Простите.

– Не волнуйся, девочка. Поищи-ка мне в аптечке аспириин. Аптечка находится в ванной, в шкафчике над раковиной. – А ты, что? Влюблена в моего внука? – опомнилась Донья, прищурив глаза, когда я передавала ей таблетку.

– Я?! Ну что Вы, Донья! Нет, конечно! С чего Вам такое в голову могло прийти!! Не выдумывайте ерунды! Вы давайте, кушайте, я заберу поднос позже.

Я решила свернуть разговор побыстрее, иначе бы Донья меня раскусила. Какая она все-таки иногда проницательная!

Выйдя в коридор, я услышала, как в мою сторону идут Иво и Бобби. Я спряталась за углом и стала наблюдать за ними.

Парни о чем-то оживленно спорили. Я прислушалась и услышала свое имя...

– Ты уже пригласил эту служанку на ужин, но ничего не вышло, – говорил Бобби.

– Дай еще немного времени, совсем немного, – просил друга Иво.

– Нет, друг, больше времени я не дам. Завтра истекает срок, так что приготовь деньги, – ехидно сказал Бобби и похлопал Иво по плечу.

Я никак не могла понять, о чем они говорят. При чем здесь какой-то ужин, я, деньги? Ничего не понимаю...

– А как же честная игра? – стал препираться Блондин.

– Этот вопрос должен я задать тебе. Мы заключили пари. Вот и плати, Иво.

– Но я еще не проиграл. Я добьюсь этой штучки, вот увидишь, – стиснув зубы, ответил Блондин.

– Забудь об этом. Ничего у тебя не выйдет. Судя по тому, как обстоят дела, будет чудом, если ты добьешься Милагрос.

– Я верю в чудеса.

– Друг мой, если она хотя бы обратит на тебя внимание, я тебя поздравлю и выпишу диплом победителя. Милагрос – очень лакомый кусочек, – сказал Бобби.

– Да, Милли – лакомый кусочек, не спорю. Но годится на одну ночь, не более. Завтра я расскажу тебе, как она в постели. Кроме того, как ты можешь серьезно думать, что я посмотрю в сторону служанки? Все должно быть на своем месте. Я хозяин, она – прислуга. Ее место – возле полки с пылью.

– Ты ужасен, – ухмыльнулся Бобби, когда они входили в комнату.

Я вышла из своего укрытия сразу, как только захлопнулась дверь. Я чувствовала себя ужасно, слезы текли по моим щекам. В голове гудело так, словно мне ударили по голове бейсбольной битой. Мои ноги подкосились, и я прислонилась к стене. Я не могла пошевелиться, меня, будто, парализовало. Что они за люди! Это два лощеных дебила, которых богатенькие родители избаловали до невозможности... Они думают, что могут купить все!

Это значит: все, что он мне говорил, – это часть пари, ложь? Как он мог заключить пари на чувства живого человека.

Какой свиньей надо быть, чтобы сделать это? Это ужасно! Он ужасен!

Я, кое-как, шла по коридору в сторону своей комнаты. Состояние у меня было жуткое. Я была раздавлена.

Как я могла поверить ему! Больше всего было от того, что я испытывала привязанность к этому человеку... Он запал мне в душу.

В этот момент я хотела умереть. Возможно, я чересчур остро переживаю, но я так устроена. Меня так вырастили. Я не росла с родителями в богатом доме, но я росла с теми, кто привил мне справедливость, гордость и человечность.

В этих же людях человечности нет, всю нравственность они продали за деньги.

* * *

Сегодня я решила отпроситься у Доньи, чтобы поехать в монастырь. Проснувшись раньше обычного, я отнесла сеньоре Анхелике завтрак, перекинулась парочкой «комплиментов» с Мартой и пришла обратно в комнату, чтобы переодеться. Когда Лина вышла из душа, она очень удивилась тому, что я уже на ногах. Обычно я еле просыпаюсь по утрам. Она даже иногда стаскивает мое одеяло с кровати, чтобы я поскорее проснулась.

– Ты куда-то уходишь, куколка? – спросила у меня подруга.

– Да, Лина, я поеду в монастырь, навещу своих.

– Я вчера не стала тебя будить. Когда вернулась, Берни сказал, ты плохо себя чувствовала.

– Да, и сейчас не лучше.

– Скажи мне, что случилось?

– Я хочу умереть.

Сказав это, я зарыдала. Я не хотела плакать, но обида душила меня. Слезы полились произвольно.

– Успокойся, дорогая моя, – вытирая слезы с моих щек, сказала Бабочка. – Послушай меня, чтобы ни произошло, что бы тебя так ни огорчило, знай: ты всегда можешь положиться на меня. Я не знаю, что случилось вчера, но догадываюсь, что это дело рук Блондина. А раз так, не переживай, жизнь его уже наказала.

– Ты готова, Милли? Сеньора Анхелика просила, чтобы я отвез тебя, – спросил Рокки, заглянув в нашу комнату.

– Как щедро с ее стороны. Да, я готова. Сейчас иду.

Я попрощалась с Бабочкой. Та еще раз попросила меня не расстраиваться, крепко обняв на прощание.

– Ты выглядишь потерянной, – сказал Рокки, когда мы отъехали от дома.

– Все в порядке, – ответила слабо улыбаясь. – Просто неважно себя чувствую. Наверное, из-за погоды.

Рокки не стал допытывать меня расспросами, просто пожал плечами и продолжил следить за дорогой.

Не успела я выйти из машины, как ко мне подбежали Лукас и Киара и набросились на меня. На улицу вышел и Падре.

– Рад видеть тебя, Чолито, – обнял меня он и похлопал по кепке, как и раньше.

– А я как рада, Падре! А где Глория?

– Они на стадионе, игра скоро начнется. Не хотели бы Вы присоединиться к нам? – обратился он к Рокки.

– Почему бы и нет, – ответил тот. – Раньше я был неплохим вратарем.

– Ты?! Правда? – я очень удивилась заявлению Рокки.

– Конечно! Сейчас я покажу тебе, – парировал он. – Только у меня нет сменной одежды.

– Это не проблема, – сказал Падре, я дам Вам что-нибудь на смену.

– Отлично! Вы идите, переодевайтесь, а я пока схожу, проведу друга, – похлопав по плечу Рокки, я направилась в церковь. Мне нужно было выговориться.

Мысленно я поздоровалась с Умником. Я называю его так, потому что у него всегда есть ответы на все вопросы.

*Я знаю, что поступаю неправильно.
Ты всегда говоришь, что мы должны подставлять вторую щеку, но с меня довольно.
Этот мерзавец ударил меня по обеим и не раз!
Я знаю, ты против, но что мне делать?
Я не могу проглотить это. Ни за что! Ты же знаешь меня.
Я могу быть доброй, но не глупой.
И это не совсем месть. Так, розыгрыш.
Что? Серьезно?! Ты простишь мне это?
Клянусь, это последний раз. Спасибо тебе!*

Закончив свой монолог, я встала со скамьи и перекрестилась. Я знала, мои слова были услышаны. От этого мне стало легче.

Выйдя из церкви, я быстрыми шагами направилась к полю, ведь игра вот-вот начнется, а я не могу пропустить дебют Рокки.

Игроки уже разминались на футбольном поле, и даже Рокки делал что-то наподобие зарядки. Меня заметила Глория и тут же бросилась ко мне с радостными криками.

- Я так счастлива, что ты приехала!
- И я! И я рада видеть тебя. Как ты тут?
- У меня все хорошо. А у тебя? Я скучаю по тебе, Милли.
- И я скучаю, Глория.
- Ну, долго вас ждать? – крикнул нам кто-то из ребят.
- Ладно, пошли, подруга, покажем нашему гостю, как у нас играют – потом договорим. Как же здорово было снова оказаться на родном поле!

Я внимательно следила за Рокки. Его поставили на ворота, так как он всем расхвалил свои способности вратаря. Но один за другим он пропускал мячи мимо ворот, принося нашей команде победные очки. Этот матч мы выиграли со счетом 7:2. Я немного пожурела его, но он отмахнулся, аргументируя это тем, что уже много лет не играл и потерял свой великолепный навык.

После игры нас уже ждал обед, накрытый в столовой. За едой мы рассказали о своих новостях. В основном говорила я. О работе, Лине, Анхелике, о том, как у нас украли кошелек, а потом вернули, когда мы продавали открытки.

Глория хвасталась обновками для воспитанников, которые она купила, продав одежду из магазина, которой ей по-прежнему платили.

Когда я помогла сестре Толстушке убрать со стола после обеда, Падре подошел к нам и предложил Каталине съездить в особняк и посмотреть, как я там живу. У меня сразу в голове возник коварный план.

Я придумала, как я отплачу Блондину за его действия. Он ставит на секс? Он его получит!

Я отыскала Глорию, и мы прогулялись по территории монастыря. Я рассказала об Иво, она – о работе и таинственном незнакомце, который ей нравится.

Но она пока не станет меня с ним знакомить. Потому что, как она сказала, боится, что он влюбится в меня. Глупышка! Я бы никогда не позволила ему это.

Мы могли болтать вечность, но я знала, что Толстушка уже собрала свои вещи, и теперь ждут только меня.

* * *

По приезду в особняк, я провела Толстушку к Донье. Та рада была приветствовать в своем доме такую гостью. Анхелика предложила Каталине комнату для гостей, но я отговорила ее и попросила Толстушку переночевать в моей комнате. Я сказала, что девочек там не будет, так как они ушли на дискотеку и вернутся только под утро, и что в комнате для гостей неудобный диван, а с ее спиной нужно спать на мягкой кровати.

– Хорошо, – согласилась Толстушка. – Уговорила.

Я пошла на кухню, чтобы принести чай для Доньи и сестры Каталины.

Когда я уже шла с подносом обратно, на моем пути появился Блондин.

Это как раз то, что мне было нужно.

Я пригласила его к себе в комнату сегодня ночью. Но поскольку он не знал, что я знаю про спор, то согласился, не раздумывая, предвкушая победу над другом.

Иво даже не подозревал, ЧТО я для него приготовила.

Он приблизился ко мне и обхватил за талию.

Я чуть не выронила поднос. Каждая клеточка моего тела вибрировала, то ли от злости и неприязни, то ли от того, что он мне нравился.

– Я буду в комнате одна. Поэтому ты можешь прийти ко мне.

– А почему ты не придешь в мою спальню?

– Потому что! Давай ты придешь ко мне и точка. Я лягу в свою кровать и буду тебя ждать, а ты придешь и разбудишь меня.

– Поцелуем? – прервал Иво, улыбаясь.

– Да, – я невинно захлопала глазками, как маленькая девочка. – Ну что, тогда договорились?

– Договорились. Я приду к тебе, и мы прекрасно проведем время.

– Не сомневайся, – ответила я ему вслед.

На часах была половина второго ночи. В доме уже давным-давно все спят. Я уложила Каталину в свою постель и караулила Блондина в коридоре, вооружившись фотоаппаратом, который заранее одолжила у Лины.

Где его носит!

Наконец, два силуэта появились в коридоре.

Парни были навеселе. Рано радуешься, Иво, ох рано!

– Подожди меня здесь, я быстро с ней справлюсь, – сказал шепотом Блондин. – Заплатишь мне сразу, как только я выйду. Я же тебе говорил: она без ума от меня!

– Не спеши праздновать победу. Милли – еще та штучка. Никто не знает, что она опять выкинет.

Как ты прав, Бобби, а вот твой друг считает себя породистым жеребцом.

Ну, ничего, скоро он опустится на землю.

Немного помешкав, Блондин зашел в нашу комнату, Бобби не стал стоять у дверей и ушел, в комнату друга.

Когда этот самец ляжет ко мне в постель, он обнаружит там не меня, а Толстушку. Надеюсь, она навешает ему, как следует!

Я стояла возле двери и прислушивалась к тому, что происходит за ней. Мне нужен был самый подходящий момент и, как только я услышала крик Толстушки, то поняла: пора!

Забежав в комнату, я включила свет.

Ошарашенные Иво и сестра Толстушка, смотрели на меня и ничего не понимали.

Сестра Толстушка сидела на кровати, прижимая к себе одеяло.

– Как Вы смеете появляться передо мной в таком виде? – кричала встревоженная монахиня, обращаясь к Иво, который стоял между кроватями в одних трусах-боксерах с подушкой в руках.

– Да, сеньор, как Вы смеете? – пародировала я Толстушку, фотографируя Блондинчика со всех сторон. – Как Вы смеете приставать к монахине, сеньор?! Вы хотели соблазнить ее? Какой стыд!

Иво стоял как, вкопанный и не мог сказать ни слова.

– Хочешь знать, что это? – спросила я у него, показывая фотоаппарат. – Ты проиграл пари, самец! Ты должен своему другу пятьсот долларов, потому что ты ничего от меня не получишь, и дашь мне столько же за то, чтобы твои фотографии не попали в другие руки!

– Н-н-н-о, откуда?

– Откуда я знаю? – ровным надменным голосом спросила я.

– Милли, что здесь происходит? Я требую объяснений! – закричала на меня сестра Толстушка.

– Я позже тебе объясню, – сказала я Каталине и продолжила разговор с Блондином.

– Я ничего не понимаю, Милагрос! Что это за цирк?

– Из нас клоун здесь только один. Это ты! А я жду свои пятьсот баксов! Или твоими фотографиями будет обклеен весь Буэнос-Айрес! Так что давай деньги прямо сейчас.

Дойдя до своих штанов, которые он бросил почти у дверей, Иво обшарил карманы.

– У меня только триста.

– Хорошо. Остальное передадите завтра утром. А теперь, уходите отсюда.

– Милагрос, я требую объяснений! – строго повторила Толстушка, когда Иво убрался из нашей комнаты, поджав хвост. – Ну, расскажи мне, что с тобой происходит, я ведь тебе не враг.

– Ничего не происходит, все нормально – отмахнулась я от монахини.

– Как это ничего, – удивилась Каталина. – К тебе в комнату заходит этот мужчина в трусах, которого ты фотографируешь, требуешь у него пятьсот долларов, а сейчас еле сдерживаешь слезы. Это ты называешь «ничего не происходит»? Очевидно, что-то произошло, но почему-то ты не хочешь поделиться со мной.

– Ничего не происходит, я хочу спать!

– Хватит, Милагрос. Я не дура. Ты не позволила мне пойти в комнату для гостей, а попросила лечь в твоей кровати. Скажи, ты специально это все подстроила?

Я старалась сделать вид, будто удивлена предположениям Толстушки, но она слишком хорошо меня знала и, судя по ее взгляду, не поверила.

– Ты права, Толстушка. Я это подстроила. У меня не было выбора.

Мы спустились на кухню, чтобы спокойно поговорить. «Спокойно», для Толстушки, означало – за едой. Обнаружив в холодильнике остатки торта, я поставила их на стол возле нее и налила два стакана молока. Сестра Толстушка слушала мой рассказ, поедая бисквитный торт.

Я рассказала, что тот парень, который пришел в комнату в трусах, это сын хозяина, который со своим другом поспорил, что затащит меня в постель. Победитель получает пятьсот баксов.

Каталина громко охала от моих рассказов, для нее это был шок.

В ее время таких интриг не было. Я попросила не рассказывать о происходящем в монастыре.

– Да чем хвастаться, конечно, не скажу, – наконец выговорила она. – Меня вот что интересует, как ты узнала о пари?

– Я нечаянно услышала разговор этих болванов. И да, я знаю, что подслушивать не хорошо и все такое, но, знаешь, хуже было бы, если бы я это не услышала. Прости меня, что я обманом привлекла и тебя в эту интригу. Я знала, что ты не одобришь мой план.

– Обман я тебе, конечно, не прощу. Но мне понравилось, как ты проучила этого парня. Я очень волнуюсь за тебя, Милли, мы все волнуемся. А то, что произошло сегодня, подтверждает, что ты не в безопасности.

– Не волнуйся за меня. Я умею за себя постоять. Тем более мне некуда больше идти.

* * *

Наутро, пока сестра Каталина прогуливалась в саду с Рамоном, который показывал ей свои владения, я решила отыскать Блондина и получить оставшуюся часть денег, которую он мне должен.

Хитро он вывернул ситуацию с бабулей. Думал, нажалуется на меня, наговорит гадостей – и та сразу меня уволит. Фиг! Конечно, то, что она предложила тоже не очень приятно, но, по крайней мере, так я останусь при работе.

Я постучала в комнату к Блондину, но там никого не было.

В доме стояла такая тишина, будто все куда-то провалились. От такой тишины мне стало не по себе. Я достала из кармана фартука плеер, который когда-то купила на вырученные от продажи открыток деньги, и включила музыку. Вот это музыка, а не та старушечья классика!

Поймав ритм, я стала подпевать Джильде и пританцовывать.

Эта моя любимая певица. Я восхищаюсь ей, ее песни потрясающие, в них столько смысла.

Закружившись в танце, я не заметила, как столкнулась с кем-то.

Подняв глаза, я увидела бродягу. Того самого бродягу, что следит за мной.

Стараясь не привлекать внимания, я шепотом спросила, что он здесь делает.

– Я пришел поздороваться с тобой, – ответил тот.

– Поздороваться со мной?! – удивленно переспросила я. – Как ты узнал, где я... А хотя. Если тебя кто-нибудь увидит – ты труп!

– Я знаю, но я не видел тебя уже несколько дней и стал волноваться.

– Ты сумасшедший! Но мне нравится эта черта в тебе. Ты такой же, как я – рискованный! И готов на все ради тех, кто дорог. Но мне нужно вывести тебя из дома, пока тебя никто не заметил. Здешние хозяева на дух не переносят прислугу и бедняков. Пошли, я проведу тебя через заднюю дверь.

Я схватила бродягу за его рваный рукав и потянула вниз.

Нам повезло, мы никого не встретили на пути.

Я оставила своего знакомого за дверью и попросила его не уходить сразу.

Забежав на кухню, я взяла со стола кекс и вынесла его своему знакомому.

– На, держи. Больше ничего не нашла, поэтому возьми хоть это.

– Не стоило, – сказал он. – Но спасибо, мне приятно. Когда мы увидимся снова?

– Ишь, какой ловелас! – шутливо сказала я, но тот уже смотрел на меня испуганными глазами. – Да шучу я, шучу. Чего напрягся так? – рассмеялась я.

Я смотрела вслед бродяге и увидела, как в саду Марта флиртует с Дамианом.

Эту змеюку ничему жизнь не учит! Как крутила хвостом, так и крутит.

Он ее еще не раз подставит.

Я поднялась на второй этаж по белой мраморной лестнице. В коридор из комнаты Доньи вышел Падре Мануэль. Я развела руки, чтобы обнять его, но он сухо отодвинул их и продолжил идти дальше.

– Сеньоре сейчас нужно отдохнуть, и будет лучше, если сейчас ты не станешь заходить к ней.

– Но Падре, стойте! Что случилось? И что с Вами? На Вас лица нет. Вы даже не поздоровались со мной!

Падре выглядел очень встревоженным, я никогда раньше не видела его таким. Что произошло там у них?

– Падре, Вы даже не поговорите со мной? Куда Вы так спешите?

– Милагрос, у меня очень важные дела. Мне нужно, как можно скорее, встретиться с матерью-настоятельницей.

– Я не узнаю Вас. Вы, конечно, всегда странный, но сейчас – уж чересчур. Я хотела передать Вам деньги. Вот тут пожертвование от сына хозяина детям.

Падре молча взял деньги и, не останавливаясь, прошел мимо меня.

Меня очень огорчило то, как вел себя Падре. Казалось, будто меня снова бросили. Я побрела в свою комнату. Сейчас я не хотела ни с кем говорить.

На полке с книгами, которая висела над кроватью Лины, я заметила книжку под названием «Портрет моей души». Символично... Меня очень привлекло название.

Книга – не толстая, поэтому я с легкостью прочитаю ее.

Вообще-то я не фанат чтения, но мне нужно было отвлечься. Достав книгу, я забралась с ногами на свою кровать и облокотилась о металлическую кружевную спинку.

Похоже, я выбрала какой-то любовный роман. Теперь мне понятно, откуда у Лины в голове мысли о принце и идеальной жизни.

Уже после первых двух страниц мне стало скучно. Все у них там идеально, да вот только вранье это все. В нашей жизни парни ставят на тебя ставки, спорят, отцы бросают детей, а миром правят деньги и власть.

Я отложила книгу на подушку и прилегла в раздумьях о своем «идеальном мире».

Меня разбудили голоса Лины и Марты. Девчонки опять что-то не поделили и из-за этого устроили настоящий балаган. От этих двоих шума, как от толпы бабулек на рынке.

Они не заметили, что я проснулась, а я лежала и пыталась понять, из-за чего скандал.

– Милая, ты проснулась? Извини, это мы тебя разбудили. Марта пристала ко мне со своей расческой, – виновато сказала Бабочка и присела на край моей кровати, придавив мне ногу.

– Не переживай. Я уже собиралась вставать. Ты не знаешь, что сегодня случилось с Доньей? К ней приходил Падре, но после его визита меня к ней даже не пустили.

– Мне рассказала Марта, что Падре Мануэль приходил поговорить с сеньорой Анхеликой и хозяином, чтобы рассказать что-то об их внуке, то есть сыне хозяина. Он вроде знает, где сейчас их внук.

– Так это же замечательно! – я не могла сдержать радости.

– Пока Падре был в комнате старухи, ей вызвали врача. Видимо, эта новость заставила ее сильно понервничать. Всех попросили дать бабуле покой и закончить разговор, по крайней мере, на сегодня. Когда я вытирала пыль, Падре спустился вниз. У них с Луисой завязался какой-то странный разговор.

– Почему странный? – спросила я, ожидая продолжения.

– Когда Падре что-то сказал Луисе – та позеленела. Они ушли в кабинет, разговор был явно серьезный, Луиса даже выпроводила свою подругу домой, хотя та совсем недавно пришла.

– Ну и дела... Интересно, о чем они там говорили.

– Мне не удалось подслушать, – вмешалась Марта. – Когда я принесла к ним в кабинет чай – они тут же замолчали. Но ваш священник выглядел так, будто увидел привидение.

– Перед уходом Падре все же зашел к Анхелике, но, когда вышел – на нем не было лица, – продолжила Лина. – Я недавно относила чай Донье, она выглядела заплаканной и уставшей. Уж не знаю, что сказал ей Падре, но Анхелику это сильно расстроило.

– Да уж, девочки! Не знаю, что и сказать. Сплошная загадка. Я тоже встретила Падре, когда он выходил из комнаты Доньи, тогда он попросил меня не заходить к ней, но я и подумать не могла... Утром узнаю у Доньи, что произошло.

* * *

Сегодня настал день «Х». Мы, наконец, узнаем, что или кто спрятано за той таинственной дверью, ключи от которой так бережно охраняет дворецкий.

Утром я зашла к Донье, но та была явно не в духе и не хотела говорить со мной. Я всячески пыталась развеселить ее, но тщетно.

Я даже поинтересовалась, когда будут первые занятия по этикету, которые она мне прописала в наказание, когда ее внук решил избавиться от меня, но Анхе лика ничего не хотела слышать.

Вчера Падре сообщил ей, что ее внук умер. Это сильно пошатнуло Донью. Она не верит в это. Чувствует, что священник ошибается. Тем более он сам не уверен на все сто, а лишь высказал предположение...

Бедная Анхелика! Сколько испытаний выпало на ее долю! Врач сказал, что Донье нужен покой и постельный режим. На сегодня мне дали выходной, но я не хотела никуда идти, поэтому решила помочь Лине с уборкой.

Заранее продумав план, мы договорились, что она отвлечет Бернардо, а я тем временем выкраду у него ключ от тайной комнаты.

Я много раз спрашивала у дворецкого, что за той дверью, куда он ходит каждый вечер, как тайный агент, но как только я поднимала эту тему, от тут же начинал отмахиваться от меня и рекомендовал не совать свой нос.

Лина разыграла какой-то припадок, что-то среднее между судорогами и сердечным приступом.

Убедившись, что меня никто не видит, я подошла к таинственной двери. Я попыталась подслушать, есть ли за ней кто-то. Ничего не услышав, я открыла дверь.

За ней оказалась небольшая комнатка, чем-то напоминающая заброшенный чердак.

Окна были плотно зашторены. Солнечный свет не пробивался в помещение, его освещала небольшая рыжая лампа на старом дубовом столе с разбросанными эскизами и различными инструментами: кистями, мелками, палитрами, какими-то баночками с краской...

Возле стола стоял мольберт. На нем красовалась картина с изображением девушки, которая кого-то мне напомнила...

Но самым интересным был не антураж комнаты, а человек в ней. У окна в инвалидном кресле сидел молодой человек. На вид ему было лет тридцать. Он был красив той особой редкой красотой, которая присуща потомственным аристократам.

Правильные черты лица. Гордый профиль. Длинные густые волнистые волосы падали на плечи. Большие карие глаза светились добротой. Если бы он не сидел здесь, взаперти – бьюсь об заклад, не одно женское сердце оказалось бы разбитым по его вине.

– Привет, – дружелюбно произнес хозяин комнаты.

Мне было невероятно стыдно за то, что я вошла сюда. Я хотела провалиться сквозь землю.

– Простите, я... – я начала оправдываться.

– Проходи, не бойся, – спокойным красивым голосом произнес он.

– Простите, я не ожидала увидеть здесь... – продолжила я, но незнакомец перебил меня.

– Парня в инвалидном кресле? Да, я знаю. Это шокирует. Проходи, не бойся. Я не укушу тебя, – шутливо сказал он.

– Кто Вы?

– Меня зовут Пабло.

Оглядевшись, я вновь обратила внимание на мольберт с рисунком девушки.

– Ты художник? – спросила я его.

Я еще раз пригляделась к рисунку и поняла, что мне это напоминает... Боже мой! Это же я!

Пабло заметил мой негодующий взгляд и, словно прочитав мысли, ответил.

– Да, это ты.

– Но как? Вы же меня не знали. Я не понимаю, как Вы смогли нарисовать меня, ни разу не видев?

– По твоим фото. Я сделал это по фото, которые мне продал Тито.

– Кто такой Тито?

– Парень, который следит за тобой, – ответил Пабло.

– Бродяга? – удивилась я.

– Да, именно. Я купил у него твои фотографии, потому что ты мне понравилась!

Немного опешив, я села на кровать и увидела, свои фотографии. Они были повсюду: на кровати, на столе, на стенах...

– Как он мог продать мои фотографии совершенно постороннему человеку?! – возмутилась я. – Сколько же с Вас взял этот мошенник? Он говорил мне, что ему просто нравится фотографировать все красивое, что он делает это ради себя. Лжец!

– Не злись на него. Мне просто стало жаль беднягу, и я предложил купить фотографии, которые у него есть.

– Так это к тебе он приходил на днях?

– Да, точно.

– Вот мерзавец! Пел мне песню про то, как соскучился и волновался. Но как ты вообще вышел на него, ты ведь...

В комнату заглянула Лина. Не успела она ничего сказать, как за ее спиной появился дворецкий.

– Как вы посмели войти сюда?! – закричал на нас Берни.

Все еще злясь на бродягу, я не сразу сообразила, что произошло. За нас вступился Пабло.

– Не ругай их. Все хорошо. Это ведь женщины, они по природе своей любопытны.

– Идите вон отсюда! Немедленно! – закричал, переходя на ультразвук, Бернардо, и мы пулей вылетели из комнаты.

Я негодовала от злости.

– Ты должна быть сейчас напугана, а не зла, – сказала мне Лина. – Ты что, не видела дворецкого? Он в ярости! И, знаешь, что нам за это будет? Нас уволят!

– Плевать я хотела на него, Бабочка. Боже, зачем я ушла из монастыря?! Все мужчины одинаковые, независимо от социального статуса. Все они лгуны и обманщики.

– Ты говоришь об этом, в инвалидном кресле?

– Нет, этот парень мне ничего не сделал. Я говорю о бродяге. Оказывается, его зовут Тито. Он меня фотографировал, помнишь? Так вот, этот «коммерсант» продал мои фотографии парню в коляске. Когда я до него доберусь, он меня выслушает. Так не поступают!

– Остуди свой пыл, куколка, – сказала мне Лина. – А ты не думала, как вообще такой, как Пабло, связался с таким, как Тито? Тут что-то нечисто, понимаешь? Не все так, как кажется. Если Пабло не выходит из комнаты, значит, кто-то еще их познакомил с бродягой. Или же он всех нас обманул, что не может ходить, – сказала Лина, прищулив левый глаз, изображая сыщика.

– Ну, ты и детектив! Тебе бы сыщиком работать или сценарии к сериалам писать. Так все разложила. Знаешь, я согласна с тобой, что не все так просто здесь. Надо бы понаблюдать за этим парнем и Тито, а потом уже делать выводы.

Вечером я рассказала Донье, как мы украли ключ у дворецкого и проникли в тайную комнату.

– Я просто стащила ключ, пока Лина разыгрывала сердечный приступ. Но в глубине души я не хотела это делать, правда, очень не хотела!

– Да ну! Ты любопытна, как обезьяна, – рассмеялась Анхелика. И я радовалась тому, что мне удалось ее хоть немного оживить! Я уже не могла смотреть, как страдает Донья. Мне было больно за нее. Я очень привязалась к старушке за время работы здесь. В глубине души я очень хотела бы себе такую бабушку. И в такие моменты я даже завидовала Иво.

– А кто этот парень? – продолжила я диалог.

– А ты с ним не говорила?

– Немного. Я только узнала его имя и что он художник. А почему он заперт? И ключ хранит дворецкий...

– Это было его решение. Несколько лет назад он потерял в аварии невесту и мать. За рулем был его отец, Дамиан, который выпил в тот вечер, но решил сам вести машину. Шел сильный дождь. Машину занесло. В аварии выжили только Пабло и его отец. Но Пабло навсегда прикован к инвалидному креслу. Теперь он всем сердцем ненавидит своего отца. Сложно сказать, в чем он больше винит Дамиана – в собственном недуге или в гибели двух самых близких людей. Известно одно – после аварии Пабло отгородился от всего мира и стал добровольным затворником, как и я. Конечно, в первую очередь, он отгородился от своего отца, которого не сможет простить, наверное, никогда.

– Это ужасно. Теперь я понимаю, почему у него такие грустные глаза... Бедный Пабло!

Я знала, что этот дом хранит в себе множество тайн, но теперь для меня открывалась все более мрачная его подноготная.

Каждый житель здесь хранит какую-то тайну. И одна страшнее другой.

– Я могу идти, Донья? Или принести Вам чего-нибудь еще?

– Нет, спасибо, иди.

В гостиной Луиса со своей подругой пили чай и о чем-то громко разговаривали. Лина тем временем вытирала пыль с камина.

Я решила немного пошутить над подругой.

– Ты уже поздоровалась со своей свекровью, Бабочка? – шутливо толкнула я Лину локтем.

Смутившись, она захлопала глазами, а женщины посмотрели на меня ошарашено, не понимая, к кому из них это относится. Предупредив их вопрос, я быстро ответила:

– Что вы так напряглись? Я пошутила. Вам разве не смешно?

Но им было явно не до веселья, Луиса трижды убила меня взглядом.

– Милли, зачем ты это сказала? – спросила Лина встревожено.

– Да, что я такого сказала?! Просто пошутила. И тем более тебе нравится Бобби. Пора бы уже знать его мамашу в лицо!

– Перестань! Бобби даже не знает о моем существовании, не замечает меня.

– Тогда дай ему о себе знать! Хватит прятаться! Ты мне про него все уши уже прожужжала.

– Прекрасно! Больше я тебе ни слова не скажу!

Я услышала, как из кабинета меня зовет хозяин дома. Никогда раньше я не общалась с ним лично.

Личность сеньора Федерико была для меня загадкой. С одной стороны, по рассказам Доньи, в молодости он был очень романтичным и без памяти влюбился в простую девушку Росарио. С другой стороны, впоследствии, он оказался трусом и из-за денег женился на Луисе.

Сейчас Федерико не производил впечатления счастливого человека. Наоборот. Было видно, что брак его не удался, что за фасадом благополучия скрывались два чужих друг другу человека, что пока Луиса пьет – Федерико изменяет ей с очередной молоденькой любовницей.

А я уверена, что она у него есть. Будь я на его месте, то уже бы точно завела, терпеть такую жену невозможно... Кто знает, что было бы, если бы он послушался отца и выбрал тогда Росарио...

Но этого мы уже никогда не узнаем. Сегодня хозяин – не самый приятный человек, заносчивый тип, женатый на своей работе. Он высокомерен, чему успешно обучил своих детей. Он никому не доверяет. И да, еще раз: он несчастен, что видно даже по лицу.

– Милагрос, принеси кофе в мой кабинет, будь добра, – попросил Федерико.

Налив на кухне кофе, я отнесла его в кабинет хозяина. Поставив поднос с чашкой на рабочий стол, за которым сидел мужчина, я пошла к выходу.

– Зачем ты назвала мать Бобби свекровью служанки? – спросил меня Федерико, когда одна нога у меня уже была на пороге.

– Я пошутила, сеньор, расслабьтесь!

– Это не было похоже на шутку, – зло ответил он.

– Разве? А Вы когда-нибудь видели миллионера, который в реальной жизни влюбился бы в служанку? Такое происходит только в кино, сеньор. Правда?

Лицо Федерико вытянулось от удивления. Он даже немного побледнел и ослабил свой галстук. Я знала его секрет, поэтому и сказала так, чтобы понаблюдать за реакцией. Хоть я и не отношусь никак к этой истории, трусость этого человека меня злит.

– Я что-то не так сказала, сеньор? Вы заметно изменились в лице, – спросила я тревожно.

– Ты ничего не знаешь обо мне! Не стоит тебе соваться в эту историю, девочка!

– Вы на меня сердитесь? – испуганно спросила я.

– Почему ты спрашиваешь?

– Почему спрашиваю? Вы смотрите на меня с таким разъяренным лицом...

– Я так на тебя смотрю, потому что мне не понравилось то, что ты сделала.

– А что я сделала?

– Ты назвала мать Бобби свекровью, а это очень неуважительно.

– Вы правы. Простите, сеньор, я не хотела Вас огорчить. Но, даже если у Вас такое лицо, я не думаю, что Вы кретин, как о Вас говорят.

– Кретин?! Кто сказал, что я кретин?!

Я поняла, что сказала глупость... Не нужно было говорить о том, что за глаза хозяина называют кретином. Нужно научиться держать язык за зубами.

– Никто. Это я оговорила... Я не хотела называть Вас кретином, Вы скорее заносчивый.

– Заносчивый?! – с яростью и негодованием смотрел на меня он.

– У Вас мало друзей. Это о чем-то говорит, верно? И еще Вы очень грустный. Ну вот, снова опростоволосилась... Простите, я лучше пойду...

– Нет, постой... Позволь тебе сказать, что ты ошибаешься, иногда жизнь очень похожа на фильм.

– Я не понимаю, что Вы хотите сказать.

– Иногда хозяева отчаянно влюбляются в служанок, – потупил взгляд Федерико. – Только в кино хозяева рискуют всем и женятся на них. А в реальной жизни хозяева поджимают хвост и женятся на «подходящей» девушке. Но жизнь наказывает их за это. Они никогда не бывают счастливы...

– С Вашего позволения, – сказала я на одном дыхании, и вышла за дверь, пока хозяин не успел одуматься.

У меня остался неприятный осадок от этого разговора. В груди закололо, будто пробежала кресс. Может, не стоило так говорить с ним?

Еще стоя в кабинете, я решила, что после разговора с Федерико, зайду к моему новому знакомому Пабло. Мне нужно было найти Тито. Поскольку они так дружны, Пабло должен знать, где обитает этот горе-предприниматель.

Я тихонечко постучала. Теперь эта комната не казалась мне такой загадочной. Сейчас меня больше интересовал тот, кто живет в ней. Я чувствовала, что этот человек в инвалидном кресле что-то скрывает, как и все, кто здесь живет. Сердцем чувствовала, что не все так просто. За дверью никто не ответил.

Я подумала, что, наверное, Пабло куда-то вышел, но потом сама себя одернула. Ведь это невозможно! Значит, он отдыхает или просто задремал. Ничего. Вернусь позже.

– Ага! Попалась! – схватив меня за талию, закричала Лина.

– Лина, ну ты дурная! Я чуть инфаркт не заработала! Ты с ума сошла? Чего так орешь?!

– Что ты тут делаешь? Снова решила навестить колясочника? – ехидно спросила Бабочка.

– Нет. Я пришла, чтобы узнать, где найти Тито. Я должна поговорить с ним и объяснить, что так дела не делаются.

– Вечно ты вершишь правосудие. Когда-нибудь доиграешься, милая!

– А ты больше каркай.

– Может, сегодня сходим на танцы? Так давно не были! – стала умолять меня она.

– Не знаю. Может, и сходим, еще целый день работать.

Сегодня я решила пригласить Донью на футбол. И я не приму любые ее отговорки. Эта старуха должна выйти на белый свет! И она выйдет. Хочет она того или нет! Но моя решительность сошла на нет после того, как я сообщила о своих планах Анхелике. Она прогнала меня и велела оставить ее в покое.

– Если я и выйду из этой комнаты, то только не с такой наглой девчонкой! Сначала ты пройдешь обучение хорошим манерам, а потом уже будешь предлагать мне куда-то выехать вместе с тобой, – сказала Донья, когда я выходила из ее комнаты.

Вот заносчивая карга!

* * *

Я заметила, как Бернардо зашел в комнату Пабло, и поспешила за ним. Мне очень нужно было попасть внутрь, поэтому я без церемоний толкнула дверь. Видимо, Берни не успел закрыть ее на ключ, и я случайно задела его по спине.

– Немедленно уходи! – завопил дворецкий.

– Но мне нужно поговорить с ним...

– Уходи!

– Пусть Вероника останется, – неожиданно сказал Пабло.

– Вероника?! – в шоке переспросила я.

Пабло попросил оставить нас, и Бернардо вышел из комнаты.

– Почему Вы назвали меня Вероникой?

– Во-первых, обращайся ко мне на «ты». А, во-вторых, мне нужно извиниться. Вероника была моей невестой и...

– Знаешь, что мне надоело больше всего? – прервала я Пабло, чтобы он не смог рассказать о своей погибшей невесте. – Что меня называют разными именами! Иво зовет меня Карлитос, ты – Вероника. Мое имя – Милагрос! Неужели так сложно запомнить?!

– Хорошо, я уже извинился. Просто ты похожа на нее.

– Ладно. Проехали. Мне нужно знать, где обитает наш общий друг Тито.

– Зачем он тебе?

– Мне нужно поговорить с ним о тех фото.

– Зачем? Забудь о нем. Бедолага просто зарабатывал на хлеб...

– Я посмотрела бы на тебя, если бы это были твои фотографии. Или ты говоришь мне, где он, или я найду его сама! Но тогда наша с тобой дружба, которая могла бы начаться, будет закончена сейчас же!

Пабло испуганно посмотрел на меня своими внимательными карими глазами и тяжело вздохнул.

– Хорошо. Я скажу ему, что ты его ищешь. Но он попадетя тебе на глаза, только если сам этого захочет. Больно не предсказуем этот парень. Только не исчезай, Вер... то есть Милагрос. Я хотел бы, чтобы мы продолжили общаться.

– Ну, ладно, – я сменила гнев на милость. Не хотелось расстраивать беднягу с грустными глазами еще больше. Жизнь итак его не пощадила.

– Когда ты придешь снова? – Спросил Пабло и это прозвучало как-то знакомо. Я будто испытала дежавю... Что же его слова мне напомнили?

– Скоро. А теперь мне пора. Если я буду прохлаждаться тут еще какое-то время – точно получу от хозяев нагоняй!

* * *

Вечером мы с Линой пошли на дискотеку. Оказавшись в любимом клубе, мы, как всегда, пробрались в центр, взяли у бара по коктейлю и стали танцевать. Краем глаза я заметила Иво. То ли коктейль ударил мне в голову, то ли я, правда, соскучилась по Блондину... В общем, мне очень захотелось поговорить с ним или хотя бы сделать так, чтобы он обратил на меня внимание.

Поставив бокал на чей-то столик возле стены, я придвинулась к Иво, который танцевал с Андреа – новоиспеченной девушкой Иво, секретаршей фирмы Ди Карло. Которая, кстати, говоря, гораздо старше его.

Чтобы обратить на себя его внимание, я стала танцевать рядом с ними, привлекая в танец всех проходящих мимо парней.

Я виляла бедрами и ритмично трясла плечами в такт музыке. Сначала казалось, что он так увлечен своей спутницей, что не замечает меня и это так раздражило меня, что я устроила там настоящее танцевальное шоу.

– Горячая штучка! – крикнул кто-то из толпы и, наконец, до меня снизошел и Иво. Он взял меня за руку и отвел в сторону, где музыка была чуть тише.

– Что тебе нужно? – спросила я у него, словно не ожидала этого.

– Что мне нужно?! Это что тебе нужно?! Скажи еще, что ты не специально крутила возле меня всем своим телом?

– Я?! Что за глупости, сеньор! Я Вас даже не заметила!

– Хватит ломать комедию, Милагрос! Говори, что тебе от меня нужно. Или ты просто хочешь позлорадствовать насчет меня и моей новой девушки?

– Нет, я просто... Я просто хотела пожелать вам счастья.

– Но, это неправда. Посмотри на меня и скажи мне это, глядя в глаза.

Он взял меня за подбородок и поднял мое лицо так, чтобы видеть мои глаза. На них непроизвольно появились слезы. Я не могла спокойно смотреть на Блондина. Не могла сдержаться перед его голубыми глазами, в которых хотелось утонуть, раствориться, исчезнуть...

Он посмотрел на меня внимательно и все понял. Понял всю мою боль. Понял без слов, что у меня на сердце. Понял и... отпустил меня. Когда я уходила – он ничего не сказал мне в след. Да и что тут было говорить?

* * *

Чтобы как-то отвлечься от своих переживаний, я решила сегодня навестить Глорию. Но на самом деле я надеялась, что встречу Тито. Пабло сказал мне, что он не знает, где он и что тот крайне непредсказуем и появляется всегда сам, когда ему вздумается.

Добравшись до монастыря, я первым делом зашла в часовню и поприветствовала Падре. Я крепко обняла его и, узнав, что Глория на работе, предложила помочь чем-нибудь, пока буду ее ждать.

Падре предложил пройтись. У него ко мне был разговор. Я насторожилась, но отказать не могла.

– Чолито, я никогда не совал нос в твою жизнь и не собираюсь этого делать, но я говорил с сестрой Толстушкой и Глорией... Я узнал от них, что в доме, где ты работаешь, есть парень, сын сеньора Ди Карло...

– Иво? – удивленно спросила я.

– Да. Скажи честно, как он тебе?

– Он? Жеребец. Красивый парень, – отвечала я Падре, глядя на его смущенное лицо.

– А какие у тебя с ним отношения? Ты в него влюблена, да?

– По уши влюблена! – максимально не принужденно отвечала я.

Мне не хотелось говорить по душам ни с кем, даже с Падре. Я перестала врать хотя бы себе о том, что ничего не испытываю к Иво. У меня в душе, будто все сгорало и умирало. Я не знала, что буду делать, когда он женится на другой.

– Чолито, ты уверена, что влюблена в него? – испуганно переспросил Падре Мануэль.

– Что значит «уверена»? В чем проблема? Я что, не могу влюбиться? Падре, почему Вы смотрите на меня, как будто я старая леди?

– Ты должна уйти из этого дома. Мы найдем тебе новую работу. Я не могу оставить тебя в этом доме – это опасно.

– Что?? Почему опасно?

– Потому что мать-настоятельница настаивает на этом...

– Я не понимаю, почему Вы хотите, чтобы я оставила свою работу? Вы сами меня туда устроили...

– Так будет лучше для тебя. Потому что ты влюбилась в своего...

– В моего кого? Падре, отвечайте, в кого я влюбилась?

– В своего... хозяина, – ответил Падре и отвел взгляд. – Или, вернее, в сына хозяина.

– И что, Падре? Вы тоже что-то имеете против служанок?

– Нет, конечно. Вопрос не в том, может ли служанка или не может, но...

Я не хотела расстраивать его и не хотела покидать особняк Ди Карло, поэтому сразу опровергла свои слова.

– Я Вас разыграла! – закричала я. – Вы, правда, подумали, что я влюблена в этого дурака? – Нет, Падре, не дождетесь!

– Слава Богу! Ты напугала меня до смерти, – переведа дух, сказал священник.

– Перестаньте, Падре. Как Вы можете думать, что я влюблена в этого болвана? – спросила я, опустив глаза, чтобы не встретиться с ним взглядом.

– Я рад, что между тобой и этим юношей ничего нет. Я просто не хочу, чтобы он разбил тебе сердце, Милли. Только и всего. Я волнуюсь за тебя.

– Спасибо, Падре. Пожалуй, я пойду. Пора возвращаться домой. У меня еще много дел. Передавайте Глории, что я заходила, и обнимите ее за меня.

На обратном пути мне, наконец, улыбнулась удача. Проходя мимо парка, я встретила Тито.

- Я искала тебя! – сказала я бродяге, подходя к нему.
 - Поздравляю, ты меня нашла, – ехидно сказал он.
 - К черту твои поздравления! Ты – негодяй!
 - Не знал, что ты меня так не любишь.
 - Ты еще смеешься надо мной?! Как ты можешь смеяться надо мной после того, что ты сделал? И не смотри на меня невинными глазами!
 - Что я сделал? Не понимаю, в чем дело.
 - Что ты сделал?! Ты продал мои фотографии, вот что ты сделал!
 - Фотографии не твои, а мои. Их сделал я! Кроме того, я сделал это, чтобы купить еду... или ты хочешь, чтобы я умер с голоду?
 - Нет, я не хочу, чтобы ты умер с голоду. Почему ты не пойдешь работать, например? Кроме того, ты поступил неправильно.
 - Дело в том, что парень в инвалидной коляске никогда не выходит из своей комнаты. Он забыл весь свет...
 - Как ты с ним познакомился? – перебила я его.
 - Это произошло давно, еще до того, как я стал бродягой, до того, как он... Стал инвалидом. И до того, как он разочаровался, потерял всякое желание жить. И теперь я – его глаза. Он любит красоту, поэтому я везде ее ищу. А когда нахожу – делаю кадры и приношу ему фотографии.
 - Я никогда не слышала ничего глупее! Прямо охотник за красотой, – возразила я. – Ладно, я тебя прощаю. А он хорошо заплатил?
 - Самую высокую цену. Ты ему очень нравишься.
 - Он мне тоже понравился. Жаль только, что его глаза...
 - А что у него с глазами?
 - Они грустные. Пообещай мне, что ты больше не будешь продавать мои фотографии без моего ведома.
 - Хорошо, – пообещал тот. Ты сейчас куда идешь?
 - В дом. А ты хочешь меня проводить?
 - Если ты не против.
- Мы пошли в сторону дома, по дороге я купила мороженое и угостила Тито. Я думала, что он будет рад этому.
- Но оказалось, мой «дружище» не так уж и голоден. Голодает он, ага! Кажется, я стала меньше доверять людям. И у меня были на то причины...

* * *

Вечером Марта попросила меня помочь ей с подачей ужина. Обычно это делает Бабочка, но сегодня она плохо себя чувствовала. Пришлось ее заменить. Когда все семейство собралось в гостиной и ужин был готов, мы вынесли все в зал и поставили на стол. Хозяйка дома попросила принести всем по бокалу вина.

Я взяла на кухне поднос и понесла его в гостиную. Когда я начала ставить бокалы на стол, один край подноса перевесил, и все содержимое с грохотом упало на пол.

- Что ты наделала, неуклюжая? Ты не думаешь, что ты делаешь! – завопила Луиса.
- Ничего удивительного, Луиса. Если бы она умела думать, она не была бы служанкой, – язвительно сказал Федерико.

Его слова сильно обидели меня. Неужели в его сердце не осталось ничего человеческого?!

- Убери все это и принеси нам кофе. Надеюсь, с этим ты справишься! – сказала хозяйка дома.

Я собрала осколки с пола. И когда пришла очередь кофе, я выносила по две чашечки на подносе, чтобы больше ничего не уронить.

– Видите, я ничего не разбила, – сказала я, ставя поднос на столик.

– Как ты смеешь... – фыркнула Виктория.

– Какая дерзость! Прогони ее, Федерико! – возмутилась Луиса.

– Я с удовольствием оставлю этот дом, сеньора! Не хочу находиться там, где с прислугой обращаются, как с мусором!

– Папа, прогони ее немедленно! – потребовала Вики.

– Милагрос работает на меня! – послышался сзади голос Анхели-ки. – Никто ее не прогонит!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.